

Вычеркнутые из жизни

Автор:

[Сергей Тармашев](#)

Вычеркнутые из жизни

Сергей Тармашев

Ареал #4

Где заканчивается правда и начинается вымысел об Ареале? Операция «Дезинфекция», в ходе которой по Ареалу был нанесён ядерный удар, привела к катастрофе. Аномальная территория стремительно расширяется. Все владельцы драгоценных артефактов стекаются к Ареалу, не в силах противиться Зову, – хотя человек, пересёкший границу Зелёной Зоны, обречён! Роковой мозговой Зуд, бич нового времени, поражает и миллионеров, и бесправных сталкеров. Но люди, попавшие под проклятие Ареала, не только сами терпят страшные муки, но и несут угрозу всем окружающим, поэтому начинается травля Зависимых. Большую Землю мало волнует судьба двадцати тысяч пленников Ареала. Теперь это государство в государстве, где устанавливают свои волчьи законы криминальные группировки, среди которых пытается выжить отряд майора Плетнёва, известного как Медведь. Но у него слишком много врагов: и зловещие порождения Ареала, и бандиты, и продажные чиновники, объявившие майора преступником и назначившие баснословную награду за его поимку...

Сергей Тармашев

Ареал. Вычеркнутые из жизни

Цюрих, Швейцария, частная клиника нобелевского лауреата в области медицины доктора Кугельштайна, 22 октября 2011 года, 14 часов 34 минуты, время местное.

Обширное стерильно белое помещение операционной было заполнено сложнейшими лабораторными установками и сверхсовременной медицинской техникой, переливающейся мониторами компьютерных интерфейсов. Два с половиной десятка специалистов, ассистирующих Кугельштайну, не сводили глаз с экранов, по которым непрерывными потоками бежали строки данных о ходе проводимого синтеза. Застывшие перед приборными панелями люди, облачённые в медицинские скафандры биологической защиты, более напоминали движущиеся гипсовые изваяния, установленные неизвестным скульптором посреди высеченной из мрамора футуристической композиции. При взгляде со стороны возникало ощущение, что и технику, и её операторов сначала поместили внутрь этого помещения, а после выкрасили одной краской и то, и другое.

Сам нобелевский лауреат находился посреди своей операционной, у станины напичканного электроникой нейрохирургического стола, совмещённого с трубой ядерно-магнитно-резонансного томографа и десятком иных приборов. Пожилой гений от медицины напряжённо вглядывался в один из пятидесятидюймовых плазменных мониторов, укреплённых под потолком в непосредственной близости от хирургической зоны. Наконец что-то негромко звякнуло, и на экране высветился ряд столбцов с цифро-буквенными обозначениями.

– Господин профессор! – один из ассистентов обернулся к седому учёному. – Синтез завершён успешно! Стабильность препарата девяносто девять и восемьдесят три сотых процента! Начинает падать, скорость распада полторы сотых процента в секунду!

– Наполняйте инъекторы! – распорядился доктор Кугельштайн и склонил голову к лежащему на хирургическом столе немолодому абсолютно лысому человеку, бледную кожу головы которого покрывала сеть коротких шрамов. Накрытое стерильной медицинской простынёй рыхлое тело пациента непроизвольно подрагивало от сотрясавших его приступов боли, и по лицу больного скользили гримасы страдания.

– Синтез прошёл практически идеально, в нашем распоряжении порядка восьмидесяти восьми секунд. Этого более чем достаточно! – Немецкий акцент профессора придавал его английскому немного отрывистые интонации, отчего казалось, что Кугельштайн говорит короткими рублеными фразами. – Вскоре вы сможете вздохнуть спокойно, мистер Лозинский! – Седовласый нейрохирург перевел взгляд на замерших в ожидании указаний анестезиологов и лаконично распорядился: – Начинаем. Подавайте хлороформ!

Один из врачей аккуратным движением прижал к лицу пациента прозрачную дыхательную маску, тщательно следя за тем, чтобы исключить неплотное прилегание и одновременно не доставить дискомфорта столь важному ВИП-клиенту. Второй специалист уже регулировал подачу газовой смеси, ежесекундно сверяясь с кривой кардиограммы и показаниями дюжины других датчиков, густой сетью проводов опутывавших пациента. Взгляд Лозинского затуманился, и спустя пару секунд его глаза закрылись.

– Пациент под наркозом! – сообщил анестезиолог, на всякий случай сверяясь с приборами.

– Транспортёр! – коротко велел Кугельштайн.

Ближайший ассистент утопил кнопку на приборной панели, и нейрохирургическое ложе с пациентом под тихое жужжание двигателей плавно скользнуло в трубу операционного стола. Толстая крышка захлопнулась, запечатывая его внутри, и несколько секунд автоматика проверяла внутреннюю атмосферу трубы на герметичность и стерильность. Мониторы системы контроля микроклимата вспыхнули разрешающими сигналами, и нобелевский лауреат кивнул помощникам:

– Делайте надрезы! – Он сверился с центральным экраном: – У вас есть тридцать восемь секунд!

Замершие у интерфейсов автоматической операционной нейрохирургии немедленно принялись за дело, вращая верньеры тонкой подстройки оборудования и манипулируя джойстиком. Внутри операционной трубы к голове пациента протянулись семнадцать тонких манипуляторов, снабжённых микрокамерами и лазерными скальпелями. Персонал клиники доктора Кугельштайна своё дело знал. Манипуляторы действовали вплотную друг к

другу, но даже минимальная путаница и суতোлка в их движениях была абсолютно исключена. Вскоре кожа на черепной коробке Лозинского была рассечена по старым шрамам, под которыми обнаружили миниатюрные платиновые заглушки, закупоривающие хирургические отверстия, что были высверлены в костных пластинах ещё девять месяцев назад. Манипуляторы с ювелирной точностью захватили заглушки, извлекли их из черепа и быстро разошлись в стороны, уступая место электронному инъектору. Целая корона из тускло поблёскивающих золотом игл приблизилась к голове пациента и замерла в ожидании завершения процесса прицеливания.

– Надрезы произведены, заглушки извлечены, наведение игл и юстировка их осей с черепными отверстиями завершены успешно! – доложил старший ассистент.

Доктор Кугельштайн молча направился к центральному операционному пульта и уселся в кресло.

– Время? – поинтересовался он, кладя руки на джойстики управления инъектором.

– Тридцать четыре секунды! – сообщил помощник. – Стабильность препарата девяносто девять и двадцать шесть сотых процента! Скорость распада увеличивается!

– Я приступаю, – известил профессор, и его руки медленно сдвинули джойстики с нейтрального положения.

Предстояла финальная, и самая сложная, стадия операции, требующая филигранного исполнения. Семнадцать игл должны одновременно войти в нужные части головного мозга пациента, каждая на свою, строго, до миллиметра, рассчитанную глубину, синхронно сделать инъекции и столь же синхронно покинуть мозг. Эту часть и без того тяжелейшей процедуры доктор Кугельштайн всегда проводил лично, не доверяя никому. Малейшая неточность в действиях может привести к летальному исходу, и полтора десятка секунд седой нобелевский лауреат представлял собой каменное изваяние. Даже опытный взгляд не сразу мог заметить шевеление его рук, сжимающих джойстики управления инъектором, по миллиметру выбирающих глубину погружения игл.

Указательный палец профессора коснулся миниатюрной кнопки красного цвета, едва заметной на боковой поверхности одного из джойстиков. Тихий щелчок возвестил о произведённой инъекции, и руки Кугельштайна немедленно приступили к извлечению короны игл из черепа пациента. Спустя ещё несколько секунд доктор отпустил джойстики, устало откинулся в кресле и стянул с себя стерильно-белый тряпичный шлем. Возле него немедленно возникла ассистентка и принялась аккуратными движениями промокать медицинским тампоном выступившую на лбу гения испарину.

– Зашивайте! – велел профессор. – Инъекция произведена успешно. До полного распространения препарата пациента из операционной капсулы не извлекать, установленный микроклимат не менять!

Получив команду, ассистенты вновь склонились над мониторами, и к голове Лозинского потянулись манипуляторы, спешащие запечатать хирургические отверстия в черепа новыми заглушками. Через полчаса, когда пациента станет возможным переместить из трубы, кожей на его голове займутся лучшие пластические хирурги – швы на голове столь значительной персоны должны быть сведены к минимуму, несмотря на ношение парика, к которому, как правило, прибегали все пациенты. Таковы правила доктора Кугельштайна, клиника тщательно следит за своей репутацией.

Лозинский пришёл в себя только к полудню следующего дня. Он открыл глаза, посмотрел на яркие лучи солнца, пронзающие отмытые до состояния полной незаметности оконные стекла ультрадорогой персональной палаты, и недовольно поморщился. Опять проспал почти сутки, столько драгоценного времени впустую! Это была реакция организма на хлороформ, сладковатый запах которого всё ещё стоял у него в памяти и стал уже почти ненавистным для вице-преьера. Но с этой мелочью Лозинский был готов мириться, тем более что этот допотопный хлороформ оказался единственным анестетиком, с которым «уживалась» сыворотка доктора Кугельштайна. Все иные, более современные препараты, вкупе с ней по необъяснимым причинам с высокой вероятностью могли спровоцировать ураганный отёк головного мозга. Академик Линдер стал первой жертвой этого трагического феномена, из-за чего Кугельштайна едва не засудили в пух и прах. Однако старый нобелевский лауреат оказался хитёр и предвидел возможные варианты развития событий. Он заранее подписал с Линдером соглашение об отказе от каких бы то ни было претензий в случае возникновения в ходе операции непредвиденных осложнений, вплоть до

летального исхода. Кугельштайна быстро оправдали, после чего проклятый немец без зазрения совести поднял и без того немалую цену на свои услуги.

С тех пор операция обходилась всем желающим в полтора миллиона долларов, ещё столько же стоил синтез самой сыворотки, созданной старым профессором. И выбирать не приходилось, Кугельштайн оказался единственным медиком в мире, способным хотя бы на время разорвать цепь, которой Ареал приковывал к себе своих рабов, получившую в народе название «мозговой Зуд Ареала», или просто «Зуд». Остальные светочи от медицины либо признали своё бессилие, либо безрезультатно пытались отыскать собственное средство излечения. Целые научные институты бились над этой проблемой, но до сих пор ничего, кроме сыворотки Кугельштайна, не могло даже на время избавить от зависимости пострадавшего.

То, что манипуляции заносчивого немца подействовали и на этот раз, вице-премьер почувствовал сразу. Голова ещё болела, но эта боль осталась от сделанных в мозг уколов. Терпеть её было вполне реально, благо она ничем не напоминала жестокий Зуд Ареала, буквально на куски разрывающий мозги, когда казалось, будто внутри мозговых тканей выросли гнилые зубы, насквозь пропитанные острой болью... Теперь же, открыв глаза, Лозинский чувствовал свободу. Через двое суток постоперационное недомогание пройдёт, и он сможет насладиться жизнью, ценить которую научился четырнадцать месяцев назад. Раздражало лишь осознание того, что свобода эта продлится недолго. Сыворотка Кугельштайна действовала ограниченное время. В первый раз она подавляет боль на срок в пятьдесят восемь суток, и каждое последующее применение снижает её эффективность на тридцать четыре часа. Но самое отвратительное заключалось в том, что после окончания действия препарата мозг отказывался принимать его повторно ещё в течение месяца. И этот месяц приходилось проводить в Ареале, иначе боль от Зуда была нестерпима. Несколько десятков «добровольцев» сошли с ума или умерли от страданий в закрытых ведомственных лечебных учреждениях России, тщетно бьющихся над проблемой преодоления зависимости.

– Рад видеть вас посвежевшим, мистер Лозинский! – доктор Кугельштайн в сопровождении свиты помощников и ассистентов вошёл в палату. – Операция прошла успешно, все ваши показатели в норме, вы можете покинуть мою клинику, когда пожелаете!

– Чтобы вновь посетить её через три месяца! – скривился вице-премьер. Он усилием воли скрыл охватившую его злобу. Проклятый фашиствующий старикашка, что ты знаешь о моих страданиях?! Показатели в норме! Наверняка получаешь удовольствие, видя наши мучения, так же, как твой папаша, что с интересом ставил научные опыты над нашими предками, что были узниками гетто во Вторую мировую!

– Я понимаю ваше раздражение, – немец отреагировал абсолютно спокойно, – тем более что оно усугубляется побочным эффектом действия сыворотки. Это пройдёт через двое суток, как вы помните. Тем не менее я спешу вас заверить, что я и мои ученики неустанно работаем над усовершенствованием препарата. Мы делаем всё, чтобы увеличить его эффективность и сократить период отторжения. – Он многозначительно посмотрел на своего именитого пациента: – Это весьма нелегко. Ведь никто в мире не продвинулся в этой области далее нас, не с кем даже объединить усилия, всё приходится делать самостоятельно!

«Намекаешь на то, что, кроме как к тебе, нам деться больше не к кому?» – взъярился Лозинский, внешне оставаясь абсолютно спокойным. Мерзкий антисемит! Да, мы и в следующий раз прибежим к нему, как миленькие! Но вот только кто сказал, что он и действительно работает над повышением эффективности сыворотки? Ему как раз выгодно, чтобы мы заглядывали сюда почаще, зачем собственными руками закапывать золотую жилу? Что-то не верится в то, что препарат будет усовершенствован. Он, Лозинский, на месте Кугельштайна уж точно бы никогда этого не сделал. Надо будет обсудить с Беловым, можно ли проверить слова немца. Это уже четвёртая операция, и теперь вместо изначально обещанных пятидесяти восьми суток свободы у них осталось лишь пятьдесят два с небольшим дня. Подобное положение дел идёт несколько вразрез с заверениями о потугах, предпринимаемых Кугельштайном и компанией в области повышения эффективности своего зелья! А ведь дальше – больше! Точнее, меньше. Срок свободы неуклонно уменьшается с каждым разом, в отличие от цены, выставленной доктором за услуги. Но выбора нет, до сих пор успех Кугельштайна никто не смог даже повторить.

Исследовать его сыворотку невозможно, и дело тут не в авторских патентах, немец не отказывается продавать образцы. Вот только препарат нестабилен и начинает разрушаться сразу после синтеза, и замораживание только ускоряет процесс распада. Полторы минуты – и сыворотка превращается в набор бесполезных молекул, что полностью исключает возможность любых вменяемых исследований. По этой же причине пациентам Кугельштайна приходится

добираться до его клиники, корчась в мучениях от жуткой боли, и испытывать страдания до тех пор, пока препарат не будет синтезирован прямо у них на глазах. После этого у доктора есть едва полторы минуты на проведение операции. Даже технологию синтеза, которую немец не стал скрывать, никак не удастся воспроизвести с должным уровнем качества конечного продукта! Московские и американские медицинские институты постоянно пытаются воспроизвести препарат, но всякий раз его качество оказывается недостаточно высоким, а стабильность угрожающе низкой. Как-либо применить такой продукт не представляется возможным. Сам Кугельштайн в ответ на вопросы заявляет, что не доверяет синтез компьютерам. Он и его помощники назначают все хронологические интервалы интуитивно, они, мол, чувствуют синтез. Поверить в подобную чушь Лозинскому было сложно.

– С сожалением вынужден признать правоту ваших слов, доктор, – на лице вице-премьера более не было и тени недовольства. Дежурно-непроницаемое выражение, свойственное государственному чиновнику высокого ранга, было отшлифовано десятилетиями практики и надёжно скрывало любые эмоции. – Успехи мировой медицины в области нашего заболевания оставляют желать лучшего. Вы – наша единственная надежда на сегодняшний день. И я рад, что нам удалось найти общий язык и восстановить взаимопонимание, пошатнувшееся... эээ... на определённом этапе.

– Гибель мистера Линдера в ходе операции явилась огромной трагедией как для меня лично, так и для всей нашей клиники, – нобелевский лауреат склонил голову в знак соболезнования. – И дело не в том, что подобные случаи негативно сказываются на репутации лечебного заведения. Смерть пациента – это всегда личная утрата для врача, предназначение которого – хранить жизнь. Мы предприняли все возможные шаги для того, чтобы подобное не имело шанса повториться, и будем совершенствовать наши методы и впредь. Как видите, даже после столь чудовищного поражения в противостоянии с болезнью и последовавших за ним с вашей стороны попыток гонения, мы не опустили руки и всё же нашли способ преодолеть зависимость хотя бы на время. К сожалению, пока улучшить сыворотку не получается. Но мы не сдаёмся, мистер Лозинский.

– И да поможет вам бог! – заявил вице-премьер с выражением абсолютной солидарности на лице. Арийский подонок, намекает на судебное преследование, которое мы начали в отношении него после смерти Линдера на операционном столе этой расчудесной клиники. Тебе повезло, что ты единственный, кто способен хоть как-то справляться с Зудом. Иначе я вытряс бы из тебя судебным

путём все твои деньги вплоть до цента. И наши с Линдером заокеанские родственники, с таким удовольствием ставящие нам палки в колеса, на этот раз охотно оказали бы помощь. Подумать только, докторишка заявил, что роковую роль в гибели Линдера сыграла его этническая принадлежность! Мол, конфликт с сывороткой возник на генном уровне! Да за такое ты остался бы нищим, доживающим свой арийский век в тюрьме, если б не уникальность этой чертовой сыворотки! Но, раз пошёл обмен упрёками, я не останусь в долгу!

– Я хочу, чтобы вы знали, доктор: мы очень ценим вашу работу и надеемся на её дальнейший успех, – с выражением предельной усталости измученного неизлечимой болезнью человека произнёс Лозинский. – Это много значит для нас, гораздо больше, нежели затрачиваемые на лечение суммы. Ведь в Ареале томится почти двадцать тысяч человек! Вдумайтесь в эту цифру, доктор! Двадцать тысяч! Это больше, чем половина населения Лихтенштейна или Монако! И все они надеются, что мировая наука отыщет способ избавить их от зависимости. Мы не бедные люди, мистер Кугельштайн, но мы платим за ваши услуги не только ради собственного комфорта. Если наши деньги позволят вам создать средство, которое спасёт всех страждущих, мы испытаем неподдельное счастье. Ведь в этом будет частица и наших заслуг тоже. И речь здесь не о гражданском долге, но о простом человеколюбии и сострадании к ближнему своему, как завещал нам господь.

– Абсолютно с вами согласен, мистер Лозинский! – седой нобелевский лауреат без труда выдержал взгляд именитого чиновника. Не понять скрытый смысл слов российского вице-преьера он не мог, но вопреки ожиданиям Лозинского отреагировал весьма неожиданно: – Если нам удастся усовершенствовать сыворотку и довести технологию её производства до промышленных критериев, мы предпримем всё для того, чтобы препарат стал доступен каждому больному. И более трети средств, выплачиваемых вами за лечение, идёт именно на финансирование дальнейших исследований в этой области, за что жители Ареала отчасти могут быть благодарны вам и мистеру Белову. Тем паче, что, насколько мне известно, больше им надеяться не на кого. Остальная часть населения страны устраивает по отношению к ним неприкрытую дискриминацию и даже геноцид, а в сам Ареал, с молчаливого согласия правительства, стекаются преступники всех мастей, спасающиеся от преследования силовых структур. Некоторые особенно одиозные журналисты даже заявляют, что внутри Ареала процветает торговля женщинами и наркотиками и именно криминальные группировки заправляют всем в тех землях, а вовсе не возглавляемое вами РАО, власть и влияние которого, по их мнению, ограничивается периметром так называемого Сателлита. Впрочем, мы не склонны верить ушлым писакам.

Наверняка всё это досужие домыслы представителей жёлтой прессы, оккупировавшей независимый интернет!

– Именно так! – подтвердил Лозинский. Вот же мерзкий человечиска! Он ещё смеет тыкать носом его, руководителя РАО «Ареал», бессменного вице-преьера целого государства, пережившего уже трёх президентов, в его же собственную вотчину! Эти учёные черви своей неуправляемостью и слабыми понятиями о том, кто есть кто в этом мире, порядком надоели ему ещё при прежнем «Ареале»! Что ж, хорошо! Сейчас он согласится с заносчивым умником, таковое решение будет наилучшим и с политической, и со стратегической точки зрения. Кугельштайн пока нужен. Но как только они излечатся от зависимости, он позаботится о том, чтобы престарелый немец закончил свою жизнь в нищете, забытый всеми! Благо, семейные ресурсы позволяют организовать подобное. Не в первый раз! – Вы стали жертвой стервятников от журналистики, падких на жареные факты. Такое пишут лишь те, кто ради пятидесяти долларов, полученных за грязную статейку, готовы продать и истину, и честь профессии репортёра, и собственную совесть. В действительности правительство России прилагает все усилия, чтобы облегчить участь жителей Ареала. И не последнюю роль в этом играет население страны, создавшее и добровольно финансирующее посредством пожертвований несколько мощных негосударственных фондов, осуществляющих помощь пострадавшим от зависимости. Я могу со всей ответственностью повторить свои слова, произнесённые на докладе Президенту, состоявшемся три дня назад: жизнь и быт людей, для которых Ареал вынужденно стал домом, протекает на достойном уровне и ничем не отличается от уровня жизни любого региона страны!

– Не имею оснований не доверять словам столь видной политической фигуры, как вы, – дипломатично ответил Кугельштайн. Его лицо при этом не выражало и тени доверия. – Однако не смею больше отнимать у вас время! Вас наверняка ожидает бесконечное множество государственных дел, а мне необходимо продолжить обход пациентов. Желаю вам удачного пути!

Нобелевский лауреат попрощался и вышел вместе с ассистентами, и в палате остался только референт Лозинского. Увидев требовательный взгляд шефа, он немедленно устремился к шкафу и извлёк из него деловой костюм вице-преьера.

– Ваш автобус готов, Валентин Иванович, мы можем отправляться через четыре часа! – подобострастно сообщил он. – Со швейцарскими властями всё

согласовано, к этому времени они дадут полицейское сопровождение и обеспечат зеленый коридор до самой границы. Дальнейший путь также согласован по линии МИДа, они прислали подтверждение вчера вечером. Власти транзитных государств предоставляют нам эскорт по стандартной схеме, в Россию доберёмся без задержек!

– Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь! – недовольно буркнул Лозинский, вставая с кровати. Он смерил референта мрачным взглядом и прошествовал в ванную комнату.

– Извините, Валентин Иванович! – побледнел тот, поняв, что не подумал и ляпнул лишнее.

Вице-премьер закрыл за собой дверь в ванную, но замок запирать не стал. Мало ли что... Случиться может всё, что угодно, в прошлый раз в руках парикмахера фен вспыхнул от короткого замыкания. Лучше не запираться, чтобы референт смог подоспеть на помощь, в случае чего. Сейчас необходимо быстрее привести себя в порядок и покинуть палату и саму клинику. За дверью его ожидает охрана, в их присутствии ему несколько спокойнее. Лозинский подошёл к душевой кабине и с опаской протянул руку к лепестку регулировки подачи воды. По требованию вице-преьера из его персональной палаты убрали все электрооборудование, оставив лишь минимально необходимые приборы. И всё же он опасался. Помнится, у Белова уже неоднократно лопались трубы системы отопления, он даже получил довольно болезненный ожог... На этот раз обошлось без происшествий, душевая кабина заработала исправно, и Лозинский принялся стягивать больничную пижаму со своего рыхлого дряблого тела.

В личном спецавтобусе Лозинский оказался за час до отправления. Сейчас, когда Зуд на время оставил его в покое, каждый час без боли, потраченный впустую, несказанно раздражал вице-преьера. Он буравил референта недовольным взглядом, и тот, невольно ёжась от страха, каждые десять минут связывался с цюрихской полицией, уточняя, где сейчас находится положенный им эскорт. Наконец полицейские машины прибыли, и кортеж Лозинского покинул территорию клиники.

До границы с Германией добрались практически спокойно, только однажды на одном из автомобилей сопровождения лопнула покрышка. Это произошло в

момент прохождения поворота, джип на полном ходу развернуло поперёк дороги, но опытный водитель-ФСОшник справился с управлением и не допустил аварии. Охрана не пострадала, быстро заменила колесо, и спустя час отставший автомобиль догнал колонну у пункта пограничного контроля. Кортёж российского вице-премьера провели через границу вне очереди, и возражений не последовало ни со стороны официальных лиц, ни вынужденных посторониться людей. Лозинский мрачно усмехнулся, глядя в пуленепробиваемое окно, затянутое прозрачным покрытием из мягкого полиэтилена, наполненного воздухом. И швейцарцы, и немцы предоставили его кортежу полицейское сопровождение и организовали зелёный коридор на всём пути следования по территории своих государств, и точно так же поступят Чехия, Польша и Белоруссия. Все стремятся как можно скорее избавиться от дорогого гостя, лишние несчастные случаи с необъяснимыми причинами никому не нужны. Впрочем, в этом даже имелся свой плюс: в подобном режиме движения от Сателлита до Цюриха удавалось добраться за сорок один час, на семь часов раньше критического срока. Но это слишком медленно, если твой мозг раздирает нестерпимая боль! Быстро учишься ценить каждую минуту. Но специалисты по безопасности категорически запретили кортежу превышать скорость движения свыше ста километров в час. Заключение инженеров и медиков гласило, что гарантировать благоприятный исход в случае аварийной ситуации, учитывая специфику Зависимости, им сложно даже на рекомендованных скоростях.

– Валентин Иванович, разрешите? – мягкая перегородка, отделяющая салон вице-премьера от мест помощников, приоткрылась, и в него заглянул референт с мобильным телефоном вице-премьера в руках. – Генерал-лейтенант Белов на линии!

Лозинский молча протянул руку, забирая аппарат, и взглядом велел референту оставить его в одиночестве. Видеть сейчас кого бы то ни было вице-премьеру не хотелось, а следить за состоянием и прочей безопасностью своего шефа подчинённые могут и со своих мест, спецавтобус нашпигован камерами и микрофонами под завязку.

– Слушаю тебя, Эдуард, – Лозинский поднёс трубку к уху. – Надеюсь, у тебя всё хорошо?

– Я тоже на это надеюсь, – в голосе генерала чувствовалась нервозность. Терпеть раздирающий мозги Зуд было нелегко. – Как прошла операция?

– Без осложнений, – ответил вице-премьер. Раз Белов испытывает боль, значит, он находится вне Ареала. – Что-то произошло, Эдуард? Ты не станешь покидать Сателлит без причины.

– Текущие вопросы, – генерал держал себя в руках, но Лозинскому было хорошо известно, какими усилиями даётся эта видимая сдержанность. Боль, причиняемая Зудом, в первые часы после покидания пределов Ареала оказывалась вполне терпима, но нарастала быстро и к исходу суток представляла собой поистине адские мучения. И чем дальше от границ Зелёной Зоны находился человек, тем сильнее были страдания. Путь в клинику Кугельштайна мало чем отличался от изуверской пытки, и тем блаженней было возвращение.

– Некоторые действия необходимо и возможно предпринимать только в Москве, – продолжил Белов звенящим от напряжения голосом, – ты не хуже меня это понимаешь, Валентин.

– Понимаю, – согласился вице-премьер. За прошедший год их с Беловым позиции во власти существенно пошатнулись. Зуд вынуждал из каждых трёх месяцев один проводить в глуши Сателлита, вдали от столицы, и в подковёрных интригах соперники этим активно пользовались, стремясь перетянуть на себя политическое одеяло. – Сколько тебе до операции?

– Сто девяносто два часа, – хрипло выдохнул генерал. – Кугельштайн улучшил сыворотку?

– Нет, Эдик, – вице-премьер зло скривился. – Он по-прежнему кормит нас обещаниями, но реальных успехов не достиг. Мне ввели стандартный препарат.

– Значит, минус ещё тридцать четыре часа? – сипло задышал генерал.

– Да, – подтвердил Лозинский. – Мой таймер уже запущен, – он непроизвольно скосил глаза на запястье левой руки, где ультрадорогой хронометр от «Патек Филипп», произведённый эксклюзивно для российского вице-преьера, отсчитывал оставшееся время свободы от зависимости. – Может, тебе повезёт больше.

– За восемь суток Кугельштайн изобретёт новую сыворотку? – язвительно фыркнул Белов. – Ты в это веришь, Валентин?

– Нет, – согласился Лозинский. – Но перед выпиской он долго пел мне песни на эту тему. И потому я бы хотел обсудить с тобой некоторые вопросы касательно... сложившейся ситуации. У меня возникли сомнения в его искренности.

– После моей операции! – мгновенно согласился генерал. – В день возвращения в Россию. Раньше не могу, к утру я должен вернуться в Сателлит, иначе не выдержу. Но ты, если желаешь, можешь навестить меня там.

– Это не срочно, – внёс уточнение вице-премьер. Прежде чем закончится действие препарата, он в Ареале не появится ни за что, даже если там высадутся все инопланетяне Вселенной вместе взятые, а тупое стадо, влачащее жалкое существование в Зелёной Зоне, разом издохнет от очередного Выброса. – Разговор может подождать ради более важных дел.

– Значит, договорились, – заключил Белов. – Мой помощник свяжется с твоим ближе к встрече. Мне пора идти, Валентин. Ровной дороги тебе, – пожелал генерал ФСБ и отключился.

Пожелание сейчас как нельзя кстати. Путь до Москвы не близок, и случиться может всё, что угодно, от незначительной поломки до серьёзной катастрофы, такое происходило уже не раз и не два. Лозинский положил телефон на столик и задумчиво откинулся на спинку глубокого мягкого дивана. На лице вице-преьера появилась злобная гримаса. С таким же успехом он мог рухнуть на пол. Его персональный салон, равно как и весь автобус, был обит мягкими материалами, отчего вызывал нездоровые ассоциации с палатой в психушке для особо неуравновешенных пациентов. Сам по себе этот автобус был сконструирован так, что не потерял бы своей первоначальной формы даже в случае лобового столкновения с товарным составом, но его пассажиры, учитывая Зависимость, вряд ли выживут и при гораздо менее серьёзной катастрофе. И потому во внутреннем интерьере была применена стопроцентная отделка мягкими и сверхмягкими материалами и подпружиненными конструктивами. По мнению экспертов, это позволяет исключить возможность получения серьёзных травм в случае аварии и крушения на скорости до ста километров в час. До сих пор это соответствовало действительности, и Лозинский, покидая Ареал, не появлялся на улице вне своего спецавтобуса. У генерал-лейтенанта Белова имеется точно такой же, это подарок Родины в лице Президента Воробьёва двум

Героям России, потерявшим здоровье в самоотверженной борьбе с беспрецедентной катастрофой Ареала, потрясшей не только Россию, но и весь цивилизованный мир.

Того, что произошло после операции «Дезинфекция», не ожидал никто. Как позже предположили специалисты ведомства Белова в сверхсекретном докладе, энергия ядерного взрыва вступила в синергизм с энергиями Ареала, максимальными в своей активности в Эпицентре. В результате образовалась небывалая по своей мощности энергетическая аномалия, выплеснувшаяся далеко за пределы Ареала и поглотившая огромную территорию. Структура аномальных зон и происходящих внутри них процессов претерпела серьёзные изменения, и отныне имеет мало общего с тем, что представляла собой до «Дезинфекции». В первые дни доподлинно известно было только то, что радиальная ширина Зелёной Зоны составила порядка пятидесяти километров и граница Жёлтой Зоны проходит практически точно по внешнему периметру бывшего Пояса. Остальное лишь догадки, новый Ареал необходимо изучать заново. В тот момент никто даже не представлял себе, насколько серьёзными окажутся произошедшие изменения. Все, затаив дыхание, напряжённо ждали дальнейшего развития событий: Президент – атаки инопланетян, Штаты и мировое сообщество – объяснений от России по поводу запуска ракеты с ядерной боеголовкой, Совет Директоров РАО – появления из Ареала всяческих рентгенов и воронцовых с фатальными разоблачениями.

Но всё случилось иначе. Сигнал, шедший из Эпицентра куда-то в центр Вселенной, исчез, инопланетяне так и не появились, и операция «Дезинфекция» была признана успешной. Более того, Президент заявил мировому сообществу, что именно нанесение ядерного удара по Эпицентру позволило прекратить ураганное распространение гигантской катастрофы, неожиданно для всех вырвавшейся из Ареала и в считанные часы поглотившей территорию радиусом в сто тридцать километров. Элементарная подтасовка минимума фактов, срочно проведённая соответствующими специалистами, позволила убедительно доказать это заявление. Загадочная и необъяснимая угроза всему миру была остановлена благодаря оперативным и решительным действиям российского правительства и Совета Директоров РАО «Ареал», не побоявшихся нанести ядерный удар по территории собственной страны ради безопасности всей планеты, или, как минимум, целого континента. Позже западные эксперты, как принадлежащие НАСА, так и якобы независимые, изучавшие загадочный энергетический импульс, опубликовали доклад. В нём говорилось, что энергоканал, связавший Эпицентр с дальним космосом, по их мнению, существовал в два этапа. На первом он истекал с поверхности планеты, на

втором же, наоборот, приходил к Земле тем же маршрутом. Эти умники даже вычислили направление, и оно совпало с направлением на какой-то там квазар, находящийся в миллиардах световых лет. Ничего конкретного объяснить они так и не смогли, лишь сослались на слишком большое количество гипотез, не позволяющее прийти к единому толкованию произошедшего. Но одна из таких версий гласила, что если сугубо теоретически предположить, что аномальные процессы, происходившие в Эпицентре, смогли вызвать некий узконаправленный поток энергии в сторону квазара, то мощь подобных аномалий должна была быть колоссальна и вполне могла превратить поверхность Земли в одну большую, охваченную катастрофой, область. Другие учёные возражали, считая, что достичь квазара импульс мог и имея гораздо менее разрушительную мощь, но вот пришедшие в ответ энергии точно грозили планете полным уничтожением. Против подобных умозаключений выступало ещё большее множество научных деятелей, но это как раз уже не имело значения. Достаточно того, что хотя бы некоторые нероссийские специалисты признавали возможность произошедшей в Ареале катастрофы нанести серьёзный урон существующей цивилизации. Российское правительство ухватилось за их позицию мёртвой хваткой, и вскоре потенциальный международный скандал превратился в международный же спасательный проект. Все устремились оказывать помощь России в ликвидации последствий чудовищной катастрофы. В надежде отхватить под этим предлогом хоть малый кусок от ареаловского нефтяного пирога. Тут-то и началось самое интересное.

Вице-премьер вновь поморщился, вспоминая тот день. Его решение перед началом «Дезинфекции» спуститься в защищённый командный пункт спасло жизни им всем, даже этим двум идиотам, Прокопенко и Хантеру. Первого спасла трусость, второго – глупость. Племянничек Белова, узнав о поступившем приказе поместить Прокопенко под домашний арест, воспылал желанием заступиться за невинно оклеветанного борца со шпионажем. Он воспользовался своими особыми полномочиями, полученными на время операции по задержанию иностранного резидента, явился к Прокопенко и потащил его с собой прямиком к дяде, разбираться в поисках правды. Насмерть испуганный Прокопенко не смог отказать лейтенанту Левину, хоть и прекрасно понимал, что подобные пристрастные беседы не несут для него ничего хорошего. В результате охрана задержала обоих болванов у внешнего входа в защищённый командный пункт за каких-то полминуты до удара, и отправлять их назад уже не имело смысла.

А потом со стороны Ареала пришла колоссальная ударная волна огромной разрушительной силы, и начался мощнейший Выброс, мгновенно поглотивший пятьдесят три с лишним тысячи квадратных километров. Люди потеряли

сознание от боли и находились в беспмятстве по шесть – восемь часов. Когда Лозинский пришёл в себя, всё вокруг трясло так, что даже врытый на десять метров под землю защищённый командный пункт вибрировал, словно от лихорадки. Связи не было, приборы не работали, понять, что происходит, оказалось решительно невозможно. Если бы не охрана, заявившая, что налицо все признаки Выброса за исключением ударной волны, Совет Директоров вполне мог поверить в версию о нападении инопланетян.

Трясти перестало только к утру следующих суток. Аппаратура связи и прочее оборудование по-прежнему не функционировали, и Лозинский приказал покинуть убежище. Однако сделать это оказалось непросто, автоматика раздвижения потолочных бронеплит, скрывавших выход на поверхность, не работала. Охране пришлось воспользоваться ручным механическим управлением, и на одно только открытие дверей и подъём винтовой лестничной аппарели до уровня почвы ушло почти сорок минут. На поверхности их глазам предстала картина полнейшего разрушения. Ударная волна превратила Городок РАО в огромное месиво, состоящее из груд обломков и разрушенных скелетов строительных конструкций. Повсюду валялись куски стен, обломки мебели и изуродованные трупы погибших. Едва кто-то из охранников сделал шаг от входа, его в мгновение ока разорвало в кровавую кашу невидимой аномалией. Один из личных телохранителей Белова заявил, что не знает как, но территория Городка теперь явно находится в Жёлтой Зоне, и двигаться по поверхности равносильно самоубийству.

Тогда Белов с Лозинским решили использовать свой последний козырь. Все вернулись внутрь защищённого командного пункта, надёжно заперли вход и воспользовались потайным путем, проложенным ещё при строительстве этой части Пояса. Заранее пробитый для подобной ситуации подземный тоннель вёл из убежища за пределы Ухты на расстояние в три километра. Установленная в нем узкоколейка с ручной дрезиной, специально, чтобы не выдать факт бегства звуком работающего двигателя, не могла вместить всех, и потому часть охраны двигалась за ней пешком. Тайный ход выводил к спрятанному в тайге секретному ангару, где в постоянной готовности находился резервный вертолёт Совета Директоров РАО и два боевых вертолета охраны. Этот секретный объект находились под личным контролем генерала Белова и охранялся исключительно доверенными людьми.

Но прибытие в ангар едва не обернулось трагедией. Сооружение не было подземным, и находившиеся в нём охранники попали под действие Выброса. Как

только ворота тоннеля распахнулись, выпуская в ангар дрезину, зомбированные охранники ангара бросились на людей, паля из оружия. Несколько телохранителей погибли сразу, двое оставшихся в живых офицеров срочно давали дрезине задний ход, пытаясь укрыть Совет Директоров в тоннеле, пока их третий сослуживец отстреливался от нападавших Зомби. Только прибытие личной охраны Белова, следовавшей пешком по узкоколейке, спасло ситуацию. Два десятка головорезов генерала перебили всех Зомби, и директорат смог выйти из тоннеля в ангар. Но на этом злоключения не завершились. Оказалось, что ударная волна, пришедшая из Эпицентра, пройдя по тайге, потеряла свою силу лишь частично, вследствие чего с ангара сорвало часть кровли прямо над ближайшим вертолётom. Внешне он выглядел нетронутым, но где-то в непосредственной близости от него образовалась аномалия. Выяснилось это просто – помощник Лозинского, имевший пилотскую лицензию, направился к вертолётu и тут же превратился в кровавую кашу на полу ангара. Охранники Белова долго манипулировали УИПами, исследуя помещение, но всё же определили, что два других вертолётa безопасны, к ним можно пройти и даже беспрепятственно вывести их из ангара. Потому что вокруг уже была Зелёная Зона, и законы её пространства позволяют запустить двигатели. Дежурная смена пилотов стала Зомби вместе с охраной ангара и была уничтожена, но, к счастью, среди людей генерала нашлось двое, умевших управлять вертолётom. Несколько часов телохранители возились с очисткой крыши и раскрытием потолочных люков, после чего все погрузились в два вертолётa и поднялись в воздух. Третью машину пришлось оставить, вести её было некому, а уничтожить – слишком громко, привлекать внимание к ангару не стоило. Беловские головорезы частично заминировали строение, но подходить к самому вертолётu никто не решился. Аномалия будет охранять его лучше любой бомбы, превосходное средство от излишне любопытных, если таковые отыщутся.

Вертолётy поднялись на безопасную высоту и взяли курс на Сыктывкар. Однако по пути стало ясно, что неожиданная катастрофа не избавила Совет Директоров от всех проблем и их свидетелей. Кто-то из сотрудников узла связи Городка, в нарушение всех законов и подписанных приказов об ответственности за разглашение государственной тайны, подслушивал переговоры директоров с Президентом и оказался в курсе официальных причин проведения операции «Дезинфекция». И по закону подлости, разумеется, эти люди выжили, и даже сумели выбраться из смертельно опасной Жёлтой Зоны, имея на руках исправный передатчик. Выяснить, что ещё им известно, времени уже не было, риск и без того оказался слишком велик – резервную машину Совета Директоров узнавали немногие выжившие ухтинцы, из развалин постоянно кто-то махал им руками или привязанным к обломкам досок тряпьём. Пока летели к Сыктывкару,

вызвали при помощи бортовой радиостанции выживших связистов, представились спасателями и приказали собраться всем в одном месте для эвакуации. Как только вертолёт достигли города, Белов сформировал из своих голворезов особую команду, которая закрасила бортовой номер на МИ-24 сопровождения и немедленно отправилась решать эту внезапно возникшую проблему. Тут надо отдать должное Эдуарду – это у него получилось очень эффективно. К тому моменту, когда проводившие эвакуацию сыктывкарские, архангельские и печорские спасатели начали находить уцелевших жителей Ухты, среди них не было никого, кто бы заявил о каких-либо инопланетянах, «Дезинфекциях» и прочее.

Ни тот странный Туман-Берёзов, ни Рентген, ни генерал Воронцов, ни кто-либо из его сотрудников не выжили в случившейся катастрофе. Иностраный резидент также погиб, никаких более-менее серьезных свидетелей не осталось, и угроза разоблачения, столь неумолимо нависшая над Советом Директоров, перестала существовать. Конечно, не всё сложилось абсолютно идеально, кто-то из тех, что были в курсе событий лишь частично или вообще только понаслышке, смогли спастись. Но ни общественного, ни политического веса таковые люди не имели, как не имели и никаких доказательств, что ставило их обличительные рассказы в разряд домыслов, газетных уток и жареных фактов. Подобных личностей аккуратно выявляли и заставляли замолчать тем или иным способом. Впрочем, сделать это не составляло особого труда – они не пользовались поддержкой народа. Стадо неохотно верит в рассказы о пришельцах и мировых заговорах, так что к их писку, едва звучащему в дебрях бескрайних помоек интернета, прислушивались лишь любители НЛО и горе-борцы с масонами. Единственной более-менее опасной фигурой оставался майор Плетнёв, сотрудник Отряда Специальных Операций, проходивший в документах РАО под радиопозывным «Медведь». Как раскопал Белов, он находился в доверительных отношениях и с Туманом, и с Рентгеном, и даже с теми двумя учёными, что так не угодили Академии Наук. Таким образом, факт его участия в заговоре против Совета Директоров не вызывал сомнений. Согласно показаниям выживших, некоторые из них видели майора Медведя в Зелёной Зоне уже после катастрофы. Это несмотря на то, что, согласно официальному докладу Рентгена, тот должен был находиться под арестом. Наверняка Плетнёву-Медведю что-то известно, возможно, даже всё, но до сих пор он в поле зрения Белова не появлялся. Это могло означать лишь одно – Медведь не покидал пределов Ареала, иначе Зуд быстро привёл бы его в лечебные учреждения и, соответственно, в руки Белова. Больниц, находящихся вокруг Ареала, не так много, и все они под контролем. Вероятнее всего, что, кроме своей осведомлённости, иных доказательств у Плетнёва не имеется, и он скрывается в

аномальных территориях, пытаюсь выжить. Это уже проблема Белова, и рано или поздно Эдуард её решит, в этой области равных ему найдётся немного. Он уже избавился от половины своих подручных, что были в курсе их совместной операции, причём организовал это настолько ловко, что другая половина до сих пор не подозревала, что грядёт их очередь.

Но радоваться тому, что краха удалось избежать, Совету Директоров пришлось недолго. Беда, как говорят русские, не приходит одна. И истинная трагедия оказалась гораздо ужаснее перспективы провести остаток жизни в бегах, но с огромным состоянием на счёте. От этой катастрофы спасти их оказались бессильны даже накопленные миллиарды. Поначалу масштабов этой чудовищной трагедии никто не разглядел. Выжившие под катастрофическим Выбросом люди, покидая границы Ареала, ощущали едва заметную зудящую боль, слабо сверлящую мозг. Её посчитали посттравматическим эффектом гигантского Выброса и не восприняли всерьёз. Уцелевших срочно развозили по лечебным учреждениям Москвы и Санкт-Петербурга, и врачи прогнозировали спад болевых ощущений в ближайшие дни. Однако слабый зуд не проходил и даже незначительно усиливался по мере удаления от Ареала, но неприятные ощущения хоть и не заглушались обезболивающими препаратами, но были терпимы, и медики заявляли, что в ближайшие две-три недели эта проблема будет успешно решена.

Тем временем спасательная операция в районе Ареала набирала обороты. Правительство выделило огромный бюджет, направленный на ликвидацию последствий катастрофы и помощь пострадавшим. США, Великобритания и многие страны - участницы ООН выслали в Россию свои спасательные отряды, процентов на пятьдесят укомплектованные всевозможными шпионами и научными сотрудниками разведывательных ведомств. Иностранцы с пылким энтузиазмом бросились в Зелёную Зону в поисках погибших нефтепромыслов и научных лабораторий, стремясь, разумеется, отыскать и спасти тех, кого ещё не спасли неуклюжие русские. Россия срочно стягивала к месту трагедии силовые, спасательные, строительные и медицинские силы. К Ареалу направлялась гуманитарная помощь, начался масштабный подвоз строительных материалов и техники. Необходимо было не только обеспечить выживших ухтинцев и сотрудников нефтепромыслов новым местом жительства, но и срочно возобновить добычу нефти «Тип Х», цены на которую после катастрофы взлетели до фантастических высот. У новых границ Ареала оперативно сосредотачивалось огромное множество сил, средств и людских ресурсов.

Возглавить столь масштабную спасательную операцию Президент доверил Совету Директоров РАО «Ареал», национальным героям, чудом спасшимся из самого сердца трагедии. Никто из директоров не пожелал остаться в стороне и лечь на лечение в больницы. Пройдя медицинское обследование, они были признаны здоровыми и уже через два дня вернулись на свои посты, оперативно взяв в руки бразды правления. Каждый из них понимал, что упускать настолько огромные финансовые потоки нельзя ни в коем случае. Желаящих присесть на практически бездонную кормушку более чем достаточно, а в том, что любая правительственная программа по восстановлению какого-нибудь региона после какой угодно катастрофы есть настоящий Клондайк, никто из мало-мальски серьёзных чиновников не сомневался ещё с тех пор, когда официально завершились боевые действия на Северном Кавказе. К тому же Президент Воробьёв, по совету Лозинского и Белова, принял весьма дальновидное решение не пускать на опасные территории главу МЧС, учитывая секретную подоплеку операции «Дезинфекция». Все старшие офицеры МЧС, задействованные в спасательной операции, внутри Зелёной Зоны были подчинены вице-премьеру и члену Совета Директоров от ФСБ. В результате главный МЧС-ник возился со всей рутинной работой на прилегающих к Ареалу территориях, не имея внутри запретных зон ни особых полномочий, ни серьёзной власти. Это быстро вызвало конфликт интересов, разрешая который Президент Воробьёв прямо заявил главе МЧС, что тот недостаточно осведомлён о специфике работ внутри Ареала, и подтвердил полномочия Лозинского. МЧС-ник затаил обиду, но, как оказалось, ненадолго.

На следующие сутки, девятые после катастрофы, произошёл новый Выброс. Он начался внезапно, ровно в полдень, в самый разгар проводимых спасательных работ. Нельзя сказать, что его не ждали совсем, но на территории Зелёной Зоны находилось слишком много неопытных людей, знакомых с законами Ареала исключительно теоретически. Новый Выброс не был столь разрушительным, как поглотившая Ухту катастрофа, это был вполне стандартный для Ареала процесс, но он застал врасплох многих. Полторы тысячи людей, оказавшихся под открытым небом, погибли, ещё большее количество попыталось укрыться внутри техники или строений. Нарушив главное правило безопасности – при Выбросе находиться ниже уровня земли, – все они подверглись зомбированию, и спустя шесть часов, когда Выброс закончился, по всей Зелёной Зоне гремели выстрелы и шли отчаянные бои выживших с новоиспечёнными отрядами Зомби. В тот момент глава МЧС вряд ли сожалел, что ни разу не был допущен внутрь аномальных территорий, но Лозинскому уже было глубоко наплевать и на него, и на все прочие проблемы.

Зуд. После выброса он усилился резко и многократно. Возросшие болевые ощущения почувствовали все, кто носил в себе эту, до сего дня незначительную, боль. Более того, сотрудники спасательных, строительных и прочих отрядов, попавшие под новый Выброс и уцелевшие, все до единого оказались поражены таким же недугом. Это вызвало серьёзную обеспокоенность, как в обществе и в правительстве, так и за рубежом, иностранные государства срочно принялись выводить из Ареала свои спасательные силы. А так как осталось от них очень немного, то ажиотаж поднялся нешуточный. За всем этим международным нитьём не сразу разглядели главного: Выброс изменился. Его Шаг упал до двухсот метров, но негативное воздействие резко возросло. Попавшие под его воздействие фауна и флора демонстрировали предельную степень враждебности к человеку и крайнюю агрессивность. Пришла пора спасать самих спасателей, и Президент приказал временно приостановить строительные работы в районе Ареала и сосредоточиться на спасательных мероприятиях. МЧС немедленно столкнулось с проблемой нехватки кадров. Люди не желали работать в Ареале даже под угрозой увольнения, более того, зачастую увольнялись по собственному желанию, едва получали туда назначение. Население близлежащих к смертельно опасным территориям городов стало стремительно убывать, люди торопились покинуть прилегающие к Ареалу места, опасаясь новых гигантских катастроф.

Программа по восстановлению РАО «Ареал» забуксовала, и правительству пришлось прибегнуть к массивному стимулированию её участников. Всем желающим принять участие в строительно-восстановительных работах гарантировалась выдача квартир по месту жительства в частную собственность за счёт государства, заработные платы подняли втрое, ввели обязательное и бесплатное санаторно-курортное лечение и целый пакет иных льгот. Кроме того, была обнародована масса всевозможных научных докладов и документов, свидетельствующих о том, что повторение крупномасштабной катастрофы в Ареале невозможно в принципе. Более того, благодаря нанесению ядерного удара по Эпицентру распространение аномальных территорий удалось серьёзно замедлить. И хотя Ареал продолжает прирастать на один метр в сутки, последний Выброс, имевший шаг всего лишь в двести метров против прежних тысячи ста пятидесяти трех, является лучшим и убедительным тому доказательством.

Принятые правительством меры позволили замедлить отток кадров из проекта и спасти программу, на осуществление которой были затрачены огромные средства. Для успокоения народа спасательные мероприятия упростили и в течение трёх суток объявили об их полном и успешном завершении, после чего

сосредоточились на восстановлении погибших нефтепромыслов, добывающих «Тип Х». Сразу выяснилось, что в условиях резко возросшей агрессивности аномалий и природы Ареала единственными промыслами, до которых ещё можно было дотянуться с минимальным риском, оказался Тэбук в посёлке Нижний Одес и ещё не законченная скважина в районе посёлка Каджером. Было принято решение сосредоточить усилия на Тэбуке, так как восстановить скважину будет проще, кроме того, к Тэбуку подведён трубопровод от месторождения в Джъере, что позволит обогащать добытую там нефть при её прогонке через Зелёную Зону Ареала. Это обещало позволить восстановить добычу «Тип Х» в относительно сжатые сроки, что являлось важным не только с коммерческой точки зрения. Удерживать людей в Ареале становилось труднее с каждым днём, и чем раньше заработает Тэбук, тем лучше. Бурение же скважины в Каджероме ещё надо завершить, кроме того, это месторождение находится всего в паре километров от границы Ареала, и привлечь работников для его строительства будет гораздо легче, чем в Тэбук, расположенный в самом центре Зелёной Зоны. Чтобы не допустить третьей трагедии, вокруг мест строительства были выкопаны блиндажи в качестве укрытий на экстренный случай и развёрнуты научные наблюдательные пункты, круглосуточно следящие за Ареалом.

Но с таким трудом организованная система зашаталась уже через неделю, с новым Выбросом, а вскоре всё и вовсе рухнуло, словно карточный домик. Оказалось, что отныне Выбросы редко длятся более суток, но зато происходят каждые шесть – десять дней. Но настоящую панику вызвало даже не это. С каждым Выбросом Зуд становился всё сильнее, и к исходу второго месяца после «Дезинфекции» боль, терзающая пострадавших людей, стала физически невыносима. Единственным обезболивающим средством оказалось возвращение внутрь аномальных территорий. Стоило поражённому Зудом человеку перешагнуть границу Зелёной Зоны, как боль прекращалась. Прежде чем это было подтверждено на официальном уровне, в клиниках и больницах от невыносимых мучений скончалось и сошло с ума несколько десятков человек. Особенно досталось иностранным шпионо-спасателям, которых собственные государства отозвали с территории России в срочном порядке, и возможности запросто и в любой момент вернуться в Ареал они не имели. Отток специалистов из мест строительства в Зелёной Зоне превратился в повальное бегство, и работы встали. Не хватало даже охранников, чтобы стеречь завезённые в районы работ строительные материалы и технику. Материальные ценности бросали под открытым небом, их судьба уже не волновала людей, стремившихся покинуть жуткие места. В тот момент и выяснилось, что Зуд получали не только те, кто попал под Выброс. Как оказалось, чтобы стать зависимым от Ареала,

достаточно лишь пересечь границу Зелёной Зоны. Любой, кто сделал хотя бы шаг внутрь аномальных территорий, навсегда становился их рабом. Ещё ужаснее оказался новый механизм воздействия Выброса. Попавший под него на открытом месте погибал в считанные секунды, укрывшийся в некоем закрытом пространстве выше уровня земли – становился Зомби даже в Зелёной Зоне, чего до катастрофы не наблюдалось. Спасение гарантировало только подземное укрытие. Это известие вызвало среди побывавших в Ареале участников программы восстановления РАО повальную панику, а среди населения прилегающих к Зелёной Зоне земель едва ли не животный ужас по отношению к Ареалу. Близлежащие посёлки почти полностью обезлюдели в течение нескольких суток. Правительство ожидало массовой подачи судебных исков, но эту неприятность, к счастью, удалось свести к минимуму. И основную роль в этом сыграло резко негативное отношение большинства населения страны к пострадавшим в Ареале. Быстро вспыхнувшее острое недовольство стремительно набирало обороты, и тому имелись страшные причины.

Уже к окончанию первого месяца после катастрофического Выброса распространилась информация о том, что в местах, где селились покинувшие Ареал люди, резко возросло количество несчастных случаев. Объяснить это явление оказалось невозможно, но факт оставался фактом: вокруг страдающего Зудом человека разбивались автомашины, замыкала электропроводка, сгорала бытовая техника, отказывали кардиостимуляторы, споткнувшиеся прохожие падали с высоты собственного роста и получали серьёзные переломы и травмы. Количество несчастных случаев со смертельным исходом начало зашкаливать, и вскоре ситуация вышла из-под контроля. Последней каплей стало крушение пассажирского самолёта. Новый дальнемагистральный аэробус из-за отказа двигателей рухнул с высоты пятисот метров, никто из пассажиров, среди которых были двое «ареаловцев», не выжил. Комиссия, назначенная расследовать обстоятельства катастрофы, так и не смогла определить её причин. В совокупности с сотнями других трагедий, всё это дало неизбежный результат.

На выходцев из Ареала мгновенно пало клеймо прокажённых. Их боялись и сторонились, опасались принимать на работу, находиться в одном транспорте, разговаривать и даже просто приближаться. СМИ пестрели сообщениями о взорвавшихся газовых баллонах в квартирах пострадавших от аномальных территорий или их соседей, убивающих током чайниках, принтерах и копирах в офисах, где работали бывшие «ареаловцы», сошедших с рельс трамваях и отказавших тормозах автобусов, мимо которых они просто проходили по улице. В стране началась тихая паника, быстро трансформировавшаяся в

дискриминацию подверженных Зуду людей. Их всячески травили и избегали, случаи, когда сотрудники фирм и организаций целыми офисами подавали заявления на увольнение, если начальство соглашалось принять на работу такого «прокаженного», начали приобретать массовый характер. Вскоре появились сведения об актах самосуда и линчевания, учинённых родственниками и близкими пострадавших от несчастных случаев граждан в отношении проживающих неподалёку зависимых от Ареала людей. «Прокажённых», или, как прозвали «ареаловцев» в народе, Зависимых, повсеместно притесняли и всячески изживали. Среди Зависимых участились случаи суицида, но основная часть людей стремилась выжить, и сделать это можно было лишь единственным способом.

Всеобщий страх, граничащий с ненавистью, вкупе с постоянно усиливающимся Зудом, заставлял Зависимых вновь приезжать к границам аномальных территорий. Они пытались находиться ближе к Зелёной Зоне, надеясь на ослабление боли. Тем временем Выбросы продолжали идти с постоянной периодичностью четыре-пять раз в месяц, Зуд становился всё мучительнее, и вскоре провести вне Ареала более двух суток и одновременно не умереть или лишиться рассудка от рвущей на куски мозг боли стало невозможно. Зависимые, оказавшись один на один с человеческой злобой, всеобщей враждебностью и собственными мучениями от всепоглощающего Зуда, не имели иного выбора, кроме как вернуться в Ареал, который стал для них местом пожизненного заключения. Уцелевшие жители Ухты и немногих близлежащих посёлков; выжившие под гигантским Выбросом сотрудники РАО и окрестных нефтепромыслов; спасатели, строители, учёные, медики, силовики, привлечённые после «Дезинфекции» к ныне рухнувшей правительственной программе по спасению пострадавших и восстановлению РАО; и даже заключённые, отбывавшие срок в исправительных учреждениях, которым посчастливилось не подвергнуться зомбированию и не погибнуть от рук своих сокамерников, ставших Зомби, – в Ареал начали возвращаться все, кто носил в мозгу безжалостный и мучительный Зуд. Даже посещавшие Зелёную Зону иностранцы, умудрившиеся не сойти с ума и не погибнуть от боли к этому времени, всеми силами стремились получить разрешение на проживание в запретных территориях.

Сначала Зависимые селились в Сыктывкаре, что вызвало немало волнений и стычек с местными жителями. И без того малочисленные, городские органы правопорядка значительно поредели вследствие оттока людей в более благополучные регионы страны и слабо справлялись с поддержанием законности среди резко возросшего населения. По городу прокатилась волна

кровавопролитных беспорядков, но длились они недолго. Выбросы продолжали происходить, и с каждым из них боль от Зуда возрастала всё сильнее, заставляя Зависимых приближаться к границам Ареала. Подгоняемый быстро усиливающейся болью, людской поток переместился в Троицко-Печорск, затем в Печору, потом выплеснулся в ближайшие к Зелёной Зоне посёлки, поневоле возрождая давно заброшенные населённые пункты. Но Зуд не дал несчастным шанса удержаться вне аномальных территорий. После катастрофического Выброса, уничтожившего цивилизованную жизнь в радиусе ста тридцати километров от Эпицентра, не прошло и десяти недель, но Ареал уже собрал внутри себя всех, кого приковал к себе незримыми цепями, разорвать которые оказалось никому не под силу. Люди в промежутках между Выбросами наскоро отрывали землянки или устраивали блиндажи в овражках и пересохших руслах рек, если такие места оказывались свободны от Студня. Условия жизни, в которых оказались Зависимые, были близки едва ли не к первобытным.

К тому моменту Совет Директоров РАО «Ареал» во главе с вице-премьером успел поставить на ноги всех светил мировой медицины, пытаясь избавиться от Зуда. Но врачи лишь разводили руками. Учёным не удавалось выявить механизмы, отвечающие за развитие внутри мозга болевого синдрома. Все известные способы диагностики неизменно показывали, что пациенты абсолютно здоровы. Боль, постоянно испытываемая ими, не фиксировалась никакими приборами, болеутоляющее не действовало, снотворное погружало в сон, никак не избавляющий от боли. Были перепробованы все мыслимые и немыслимые средства, Белов с Лозинским даже пытались носить на шее эту идиотскую висюльку того странного сталкера с быдловатым позывным «Болт», единственного человека из всех, не попавшего под зависимость. Его задержали под предлогом уточнения обстоятельств катастрофы и с тех пор не выпускали из закрытой клиники ФСБ. Из него едва не выкачали всю кровь, пытаясь выявить антитела или что-либо подобное, что могло бы послужить антидотом для Совета Директоров, но всё тщетно. Не помогало ничего, и генерал Белов приходил в бешенство с каждым очередным докладом медперсонала.

Вскоре жить в Москве стало невозможно. Жуткая боль была невыносима, миллиардные состояния ничем не смогли помочь своим обладателям, и директорату пришлось перебираться ближе к Ареалу точно так же, как и всем остальным Зависимым. Но пересекать границу Зелёной Зоны было небезопасно как с точки зрения стандартных ареаловских угроз, так и по более обыденным соображениям: тысячи людей, озлобленных и голодных, лишившихся всего, что имелось в прежней жизни, стекаются туда ежедневно. Ни о какой государственности или порядке внутри Зелёной Зоны не приходится даже

вспоминать, и причина проста – всё это некому поддерживать, ни один чиновник или сотрудник силовых ведомств ни за что не пойдёт в Ареал. Заработать Зуд на всю жизнь никому не хотелось.

В итоге директорату пришлось срочно закупить партию сборных домиков, которые собрали на территории нефтепромысла Джъер, на тот момент находившегося в нескольких километрах от границы Ареала и переведённого в режим консервации в связи с нехваткой персонала. Чтобы не вызвать ненужного ажиотажа и не привлекать к себе внимания, промысел быстро обнесли глухим забором и на собственные деньги привлекли туда специалистов-нефтяников из числа Зависимых. В округе было объявлено, что в Джъер въехала очередная рабочая вахта и нефтепромысел работает в штатном режиме. В действительности в домиках разместился Совет Директоров РАО и отряд телохранителей Белова, настоящие нефтяники занимали лишь три строения. Каждую ночь несколько вездеходов под усиленной охраной пересекали границу Ареала и сразу же глушили моторы, оставаясь там до утра, чтобы дать возможность своим влиятельным пассажирам отдохнуть от сверлящего мозг Зуда.

Но Выброс шел за Выбросом, боль усиливалась, и было ясно, что вскоре Ареал поглотит Джъер, а сила Зуда увеличится настолько, что вряд ли позволит находиться без страданий вне Зелёной Зоны свыше нескольких часов. Ко всему прочему добавилась и политическая составляющая проблемы. Авторитет Лозинского в высших эшелонах власти стал падать. РАО «Ареал» теперь существовало лишь на бумаге, нефть «Тип X» не добывалась, бюджет нёс колоссальные расходы в связи с катастрофой и её последствиями, в том числе из-за проваленных обязательств по поставкам «Икса» на внешний рынок. Компания «Экстраойл» оказалась на грани банкротства. Сам вице-премьер, вечно пропадающий «где-то там», был не интересен ни Президентской команде, ни собственным людям, среди которых уже пошёл шёпот на тему назначения преемника. Лозинский чувствовал, как шатается под ним кремлёвское кресло. У Белова ситуация складывалась немногим лучше. Генерал-лейтенант ФСБ имел возможность наступить на хвост многим, находясь в любом уголке страны, ибо компромат имеет весьма большой срок годности, но и он понимал, что власть начинает медленно уплывать из рук. Необходимо было что-то предпринять, и как можно быстрее.

И Лозинский нашёл решение. На эту мысль его натолкнуло повизгивание правозащитничков, решивших, что пора в очередной раз делать карьеру на

человеческом горе. Все Зависимые ушли в Ареал, толпе обывателей стало нечего бояться, и самые сообразительные начали предпринимать попытки защитить права «пострадавших в результате чудовищной катастрофы и последующих событий». Вице-премьер, будучи опытным политиком, мгновенно оценил обстановку. Сейчас куча недоделанных общественных деятелей бросится добиваться от Президента всяческой помощи Зависимым, «страдающим в нечеловеческих условиях Ареала». Всё это сведется к выстраиванию собственных рейтингов и делёжке бюджетных денег, что будут направлены на выплату всевозможных судебных компенсаций, пособий и прочее. Но у Лозинского на эти деньги были свои планы. И он не стал терять времени даром.

Вице-премьер прибыл на приём к Президенту и представил ему собственную программу помощи пострадавшим от Ареала. Как и полагается государственному деятелю его уровня, она была глобальной и всеобъемлющей. И Президент не мог не оценить все плюсы предложения, разработанного Лозинским. На следующий же день все СМИ транслировали президентское обращение, в котором говорилось, что страна не бросит своих героев и будет сражаться за них до конца, во что бы это ни обошлось бюджету. Программа Лозинского была опубликована едва ли не всеми изданиями уже через час, и многим самопиарщикам от правозащиты пришлось прикусить языки от досады. Лозинский учел всё.

Раз государство, по не зависящим от него причинам, не имеет возможности обеспечить своим гражданам, попавшим под зависимость, достойную жизнь вне Ареала, оно обеспечит её внутри него. РАО «Ареал» вновь ждёт на работу всех желающих, но теперь оно будет существовать внутри Зелёной Зоны ради тех, кто вынужден навсегда связать свою жизнь с аномальными территориями. РАО начинает строительство подземного населённого пункта на базе нефтепромысла Джъер. К тому моменту, когда Ареал поглотит это поселение, оно уже будет просторным и благоустроенным городом со всей положенной инфраструктурой и прочими удобствами: магазинами, школами, детскими садами, больницами, убежищами и конечно же интернетом с обязательным доступом в твиттер, посредством которого Президент будет лично следить за бытом горожан. Так как аномальные территории разорвали железнодорожное сообщение, автомобильные магистрали от Сыктывкара до Троицко-Печорска будут срочно доведены до идеального состояния, и по ним будет осуществляться завоз всего необходимого для обеспечения достойной жизни жителей нового Джъера. Президент заявил, что этим обращением гарантирует, что «город внутри Ареала по уровню жизни и комфорта будет подобен любому сателлиту Москвы». С тех пор название «Сателлит» прочно прилипло к подземной новостройке.

Чтобы привлечь Зависимых к проекту, предлагалось приравнять новый Город к положению отдельного субъекта Федерации. Все работники РАО получают в Сателлите квартиры сразу по окончании строительства, а их заработные платы будут превышать нормы, установленные для районов Крайнего Севера. После завершения всех строительных работ эти люди останутся в РАО и будут работать в городских службах, а также на добыче нефти «Тип X». Таким образом, никто не останется безработным. Для этих целей сам нефтепромысел подвергнется модернизации и расширению, кроме того, в срочном порядке будет закончено строительство промысла в посёлке Каджером. План Лозинского даже включал возможность строительства в его районе в будущем второго города, если эксперимент с Сателлитом себя оправдает.

Проект вице-преьера вызвал массу критики со стороны скептиков и политических конкурентов, но возможность в короткие сроки вновь возобновить добычу ареаловской нефти послужила решающим фактором для принятия решения. Поначалу программа быстро набрала обороты. Тысячи Зависимых, живущих на границе Зелёной Зоны в землянках и наскоро возведённых блиндажах, в условиях постоянной угрозы Выброса, нехватки промышленных товаров, элементарных удобств, медицинской помощи и зачастую продовольствия, изъявили желание поступить либо вернуться на работу в РАО. Первичные штаты укомплектовали быстро, благо практически все вновь нанятые сотрудники являлись востребованными специалистами, попавшими под Зависимость в результате прежней службы или в ходе выполнения спасательно-восстановительных работ. За неделю численность личного состава РАО возросла до десяти тысяч человек, и началось масштабное строительство.

Лозинский и Зильберман, воплощая программу в жизнь, развили небывалую активность. К тому моменту Совет Директоров РАО «Ареал» понёс ещё одну невосполнимую утрату: вертолёт, которым Шумелкина следовала от места строительства в Сыктывкар на очередную попытку излечения, внезапно взорвался в воздухе. Не выжил никто. Президентским Указом за самоотверженное исполнение гражданского и профессионального долга двум ареаловским директорам, доктору медицинских наук Шумелкиной Елене Александровне и генерал-майору МЧС Воронцову Геннадию Петровичу, были присвоены звания Героев России посмертно. В результате Лозинскому пришлось ввести в Совет Директоров проштрафившегося Прокопенко, что было даже на руку. На него немедленно взвалили всё, что ещё не успели взвалить на тот момент, и вице-премьер смог сосредоточиться на наиболее сложных вопросах освоения бюджета. На начальном этапе это было единственно верным

решением, из ареаловских попов не выжил никто, заводить же новых не имело смысла: не имеющие Зависимости, они не будут полностью подконтрольны Лозинскому. Но на всякий случай небольшой храм имени мученика Евлантия на городском плане Сателлита он всё же запланировал. Со временем пригодится, найдётся и очередной ушлый поп, как говорится, свято место пусто не бывает. Пока же выделенные средства он будет контролировать сам, сейчас не до излишеств. Необходимую поддержку ему окажет Белов, с этим проблем не будет, двоюродные братья всегда понимали друг друга с полуслова.

Маховик строительства закрутился, и авторитет вице-преьера вновь окреп. Чтобы продемонстрировать и своим, и чужим свою политическую активность, директорам РАО приходилось часто бывать в столице, и делать это с каждым разом становилось всё мучительнее. Авиаперелёты стали невозможны – риск погибнуть в результате несчастного случая, череда которых сопровождала Зависимых повсюду вне Ареала, был слишком велик, и пилоты наотрез отказывались подниматься в воздух. От авиации пришлось отказаться. Теперь до Сыктывкара добирались автотранспортом, после чего приходилось восемь часов трястись по железной дороге, этот способ передвижения на тот момент сочли наиболее безопасным. Эксперты в один голос утверждали, что современные железнодорожные вагоны изготавливаются с применением максимально надёжных технологий, призванных сохранить жизнь пассажирам при любой, даже самой ужасной катастрофе. В качестве доказательства приводились данные о наиболее серьёзных авариях на железной дороге, когда пассажирские поезда сходили с рельсов на большой скорости и вагоны кувыркались с высокой насыпи в многократных кульбитах. Тем не менее они не подвергались разрушению и сохраняли свою форму, а находящиеся внутри пассажиры отделались ссадинами и ушибами, количество переломов было незначительным, летальных случаев и вовсе не имелось.

Но незримое клеймо Ареала, лежащее на Зависимых, не поддавалось научному объяснению и игнорировало всё: статистику, экспертов, законы физики и многократно проверенные стандарты безопасности. После тринадцатого с момента «Дезинфекции» Выброса поезд, которым Зильберман следовал в Москву, сошёл с рельс где-то посреди глухой тайги, столкнулся со встречным составом и загорелся. По словам немногих выживших, скорость движения перед самой катастрофой была невелика, но в итоге вагоны расшвыряло, как спичечные коробки, и огонь охватил их практически мгновенно. Сильно повреждённый труп Зильбермана был найден спасателями среди тел других погибших уже к вечеру, но уверенно опознать его удалось только через двое суток при помощи генетической экспертизы. Специалисты лишь растерянно

пожимали плечами, по всем расчётам выходило, что предпосылки к этой катастрофе предугадать было невозможно. В одно мгновение воедино сложилось сразу несколько причин, каждая из которых являлась редкостью уже сама по себе. Под действием зимних температур на железнодорожном полотне разошлись межрельсовые стыки, но автоматика безопасности, призванная немедленно сообщить об этом на ближайшую станцию, не сработала. Помощник машиниста перед самой катастрофой, предположительно, вышел из кабины, у машиниста случился сердечный приступ, среагировать на аварийную ситуацию, случившуюся через считанные секунды, оказалось некому. Локомотив сошёл с рельсов, слетел с насыпи и столкнулся с землей, из-за чего вагоны расшвыряло вокруг, и некоторые из них оказались лежащими на путях. Всё это произошло в непосредственной близости от поворота железнодорожного полотна, огибающего поросшую лесом сопку. Двигающийся навстречу товарный состав, перевозивший горюче-смазочные материалы, заметить произошедшее крушение не имел возможности. Он вышел из-за поворота и сразу же столкнулся с перегораживающими пути пассажирскими вагонами. Цистерны с ГСМ опрокинулись, горючие материалы разлились, взрыв и последующее возгорание произошли в считанные секунды. Как подобное количество чрезвычайных причин могло возникнуть одновременно в одном месте, следственная комиссия объяснить так и не смогла.

С тех пор пришлось отказаться и от железных дорог. Теперь Лозинский и Белов передвигались исключительно автотранспортом, и каждая вторая поездка не обходилась без аварийных ситуаций, случавшихся либо с машинами их кортежа, либо с иным транспортом, оказывавшимся неподалеку. Остальные Зависимые и вовсе крайне редко удалялись от границ Зелёной Зоны дальше двух-трех десятков километров, опасаясь за свою жизнь. По сути, опасность угрожала отовсюду. Сверлящая мозг боль от Зуда и вероятность погибнуть в результате несчастного случая были наименьшими из угроз. Ненависть, вызванная страхом перед необъяснимым проклятием Ареала, толкала людей на агрессивные и подчас кровавые поступки. Очень скоро Зависимые и нормальные стали друг другу врагами, и провозглашаемые по всей стране терпимость и сострадание соблюдались лишь в нескольких небольших поселках, расположенных у самой Зелёной Зоны. Эти населённые пункты стали своего рода нейтральными территориями, где осуществлялись все процессы взаимодействия обитателей Ареала с Большой Землёй. Правительству приходилось держать вокруг ареаловских территорий серьёзное количество подразделений Внутренних Войск, чтобы успешно сохранять контроль над этими самыми процессами. Ибо программа, предложенная Лозинским, принесла лишь часть ожидаемых результатов.

Первые пять месяцев строительство шло усиленными темпами, все стремились успеть закончить Сателлит до того, как его поглотит Ареал. Подземный город был рассчитан на шестнадцать тысяч типовых квартир, и при этом имел очень компактные размеры, чуть более чем тысяча на тысячу метров. Его обнесли единым периметром из двухниточного железобетонного забора, построили Научный Центр и расширили нефтепромысел Джъер, вошедший в состав Сателлита вкуче с Административным и Жилым кварталами. От города протянули трубопровод и автомагистраль к посёлку Верхнеижемский и далее до Троицко-Печорска, где осуществлялась обработка ареаловских грузов. Совет Директоров даже разделил внутреннюю структуру РАО на два формальных отделения, «Ареал-Сателлит», охватывающий персонал из числа Зависимых и соответствующую инфраструктуру, и «Ареал-Печора», в состав которого входили не подвергшиеся Зависимости сотрудники, выполняющие свои рабочие функции вне Ареала. Благодаря высоким зарплатам и отсутствию угрозы подвергнуться Зависимости, «Ареал-Печора» некоторое время являлся довольно выгодным местом трудоустройства.

Но в остальном Лозинского преследовала масса проблем. С первых же дней строительства стало ясно, что погибший нефтепромысел Тэбук в ныне мёртвом посёлке Нижний Одес восстановить невозможно. Район густо наполнен аномалиями и враждебной фауной, наиболее отчаянные храбрецы, рискнувшие добраться до промысла, увидели там следы мутировавшего медведя и повернули назад. Помимо этого поползли слухи о том, что в некоторых местах Зелёной Зоны, особенно там, где когда-то находились старые, ныне не действующие скважины, на земле появились нефтяные пятна. И если выкопать яму, то за день вполне можно набрать канистру «Икса», а то и две. И кто-то даже отыскал в тех местах пару метаморфитов. После появления этой информации в Ареале вновь зашевелилось сталкерство, и количество разного рода правозащитников и исследователей, особенно иностранных, понаехавших в прилегающие к аномальным территориям посёлки, возросло вдвое. Ко всему прочему строительство нефтепромысла в Каджероме шло медленно и несколько раз едва не умерло самопроизвольно. Частые Выбросы делали проведение необходимых работ слишком опасным, среди строителей имелись жертвы, и убедить людей не разбежаться с недостроенного объекта с каждым разом становилось всё сложнее. Денежные премии и поощрения ценными подарками в виде промышленных товаров и продуктовых наборов помогали не всегда, и ввести в эксплуатацию Каджеромский промысел удалось с опозданием на три месяца, перед самым поглощением Сателлита Ареалом. Не меньшей головной болью стала криминогенная обстановка, ухудшавшаяся в Зелёной Зоне с

каждым месяцем всё сильнее.

Не всё Зависимые желали жить честно и трудиться на объектах строительства с утра до ночи. Среди тех, кто уцелел под катастрофическим Выбросом в августе 2010-го, были и представители криминальных кругов, поощрявших сталкерство в Ухте, и заключённые исправительных учреждений УФСИН, отбывавшие наказания. Вновь оказавшись в Ареале, эти преступные элементы немедленно занялись незаконной деятельностью: рэкетом, грабежами, сталкерством. В первые месяцы службе безопасности «Ареал-Сателлита» удавалось держать криминальные круги в узде, но продолжалось это недолго. Преступный мир быстро понял, что внутри Зелёной Зоны государство далеко не всесильно и возможности органов правопорядка весьма и весьма ограничены. В Ареал потянулись преступники и уголовники всех мастей, скрывающиеся от правосудия, для которых добровольное заточение в аномальных территориях было гораздо интереснее длительных и пожизненных сроков заключения. Вскоре примеру российских криминальных элементов начали следовать преступники из ближнего зарубежья и просто отморозки, желающие лёгкой жизни за счёт других. Преступный мир Ареала быстро окреп и стал не по зубам безопасникам РАО.

Финальную точку в развитии программы Лозинского поставило поглощение Сателлита Ареалом. Зелёная Зона полностью накрыла город за пять недель, к тому моменту все работы были завершены, но дальнейшим планам вице-преьера состояться оказалось не суждено. Едва Сателлит стал частью аномальных территорий, выяснилось, кому на самом деле принадлежит власть в Ареале. Криминальный мир, скрывающийся в развалинах городов, немедленно заявил о своих правах. Город и нефтепромысел Каджером подверглись серии вооружённых нападений. Бандиты оказались многочисленными, хорошо организованными и, самое неприятное, отлично знающими как Зелёную Зону, так и законы выживания в ней. Причина тому была проста: сталкеры, поставленные властями вне закона, контролировались преступным сообществом, в результате чего в распоряжении криминалитета имелись опытные проводники и знатоки Ареала. Атаку на Сателлит удалось отбить, но нефтепромысел Каджером был потерян. По дошедшим до города слухам, отряды уголовников перебили охрану, разграбили каджеромский нефтенакопитель, перекрыли трубопровод, ведущий от промысла за пределы Зелёной Зоны через посёлок Чикшино в Печору, и под угрозой смерти вынудили нефтяников дежурной вахты добывать нефть «Тип Х» для «общака». Нефтяники подчинились, но спустя трое суток нефтедобывающее оборудование пришлось деактивировать перед надвигающимся Выбросом. После его окончания вахта

попросту сбежала с территории промысла, воспользовавшись неразберихой. Уголовники организовали преследование, но почти сразу в районе Каджерома появились отряды хорошо вооружённых Зомби, чего до той поры не случилось, и все поспешили покинуть нефтепромысел подобру-поздорову.

С тех пор добычу «Икса» в Каджерома удавалось запускать лишь от случая к случаю, так как сотрудники РАО отказывались браться за эту работу. Надёжно взять под контроль промысел также не получалось. Служба безопасности «Ареал-Сателлита» едва справлялась с охраной города и ведущих от него на Большую Землю трубопроводов, требующих неусыпной охраны. Преступники и прочие ушлые элементы ежедневно пытались делать в них врезки, и безопасникам приходилось тратить массу усилий на предотвращение этих злодеяний. Особенно тщательно охранялся трубопровод, поставляющий в Сателлит воду, которой в Ареале не имелось. Немало забот требовали и нитки, доставляющие в Троицко-Печорск добытый в Сателлите «Тип Х». В первое время генерал Белов пытался отряжать часть сил Службы Безопасности на установление контроля над Каджерома, но от этих действий вскоре пришлось отказаться. На нефтепромысел регулярно нападали то уголовники, то Зомби, а после того, как однажды к Каджерома вышел Фронтовик, солдаты были готовы и добровольно уйти со службы в РАО, и лишиться безопасных квартир в Сателлите, лишь бы вновь не попасть на нефтепромысел.

Стало ясно, что избежать попадания стратегических ресурсов в руки преступных элементов не удастся. Чтобы хоть как-то выровнять ситуацию, по приказу Лозинского и Белова Прокопенко разработал схему контроля за неподвластным РАО чёрным рынком. При содействии правительства тридцатикилометровый пояс вокруг Ареала, быстро прозванный в народе «нейтралкой», был объявлен запрещённой к посещению зоной, на территории которой действовал режим Чрезвычайного Положения. Отныне каждому, кто желал пересечь её границы, требовалось получить аккредитацию в РАО по линии ФСБ. С этого же момента «Ареал-Печора» развернул в находящихся на «нейтральной территории» посёлках пункты приёма нефти «Тип Х» и метаморфитов у населения, а наказание за сталкерство было отменено официальным Указом Президента. Теперь каждый желающий мог выйти из Ареала и сдать свои находки, не опасаясь судебного преследования, и получить за них приличную цену. Чтобы обрушить чёрный рынок, Прокопенко рекомендовал платить за ареаловскую нефть вознаграждение, сопоставимое с её международной рыночной стоимостью, а за добытые сталкерами метаморфиты давать цену, равнозначную расценкам нелегальных скупщиков. При этом он предложил простой и эффективный способ избежать огромных убытков такой ценовой политики. Цены

на товары постоянного потребления, завозимые в Ареал, взвинчиваются до небес. Если литр «Икса» стоит пятьдесят долларов, то нет ничего страшного в том, что литр воды будет стоить двадцать пять, а, к примеру, банка тушёнки или килограмм крупы – десять. Точные расценки высчитают эксперты, и, возможно, цены окажутся несколько иными, но общий смысл не изменится: затраты на покупку ареаловской нефти у населения будут с лихвой окупаться продажей товаров первой необходимости. Цены при желании можно варьировать. Дабы избежать возни с большим количеством наличности, при расчётах будет приветствоваться бартер, кроме того, на территории Сателлита можно открыть банк, куда позволять помещать деньги всем желающим. А чтобы никто не имел возможности демпинговать, РАО «Ареал» при поддержке генерала Белова негласно подомнёт под себя все компании и предпринимателей, что ведут или будут пытаться вести торговлю в нейтральной зоне. Что позволит де-факто быть монополистом, де-юре таковым не являясь, меньше хлопот.

Предложение Прокопенко Лозинский с Беловым одобрили. Эксперты просчитывали детали три недели, после чего с необходимыми уточнениями план начали внедрять в жизнь ускоренными темпами. Без накладок, как водится, не обошлось. Нововведение стимулировало население Ареала искать и сдавать на приёмные пункты РАО нефть и метаморфиты, но сами сотрудники «Ареал-Сателлита» оказались обладателями нищенских зарплат. Немедленно начался отток кадров, и этот прокол пришлось срочно исправлять. Денежное содержание обитателей Сателлита повысили за счёт выделения продовольственных пайков в виде карточек, подлежащих обмену на соответствующие товары в магазинах города. Подобное нововведение понравилось не всем, и хотя массовое увольнение специалистов удалось остановить, кадровый вопрос в Сателлите являлся одним из наиболее острых. Кардинально решить его официальными путями не удавалось, в то время как численность преступного мира Ареала постоянно увеличивалась, пусть и не быстро, но регулярно. Впрочем, Лозинскому и Белову не привыкать выходить из безвыходных положений. Опытный и дальновидный политик иногда может извлечь выгоду даже из сильных сторон своих противников.

– Валентин Иванович, – обитая мягкой обшивкой внутрисалонная перегородка вновь опустилась, открывая лицо референта. – Не желаете пообедать? Подать меню или прикажете сделать остановку у ресторана в ближайшем городе по пути следования?

– Почему остановились? – вместо ответа нахмурился вице-премьер, бросая взгляд в окно.

– Авария впереди... – референт невольно отвёл глаза, – только что произошла. Наш кортеж не пострадал, но на автостраде возник затор, придётся немного подождать...

– У меня на счету каждая секунда, если вы помните! – со скрытой угрозой в голосе произнёс Лозинский. – Свяжитесь с полицейскими машинами эскорта или ступайте к ним лично! Пусть делают, что хотят, но обеспечат мне немедленный проезд! Объясните им, что это в их же интересах. Чем быстрее мы покинем это место, тем меньше вероятности, что произойдёт что-либо ещё. А ведь здесь скопилось множество машин. Заострите их внимание на этом, думаю, они прислушаются.

– Слушаюсь, Валентин Иванович! – референт вскочил со своего кресла прежде, чем закрывающаяся перегородка скрыла его из виду.

Доводы референта явно убедили немецких полицейских. Уже через две минуты снаружи взвыли сирены, а через пять кортеж продолжил движение. Автобус Лозинского протиснулся через организованный стражами правопорядка узкий проезд в образовавшемся автомобильном заторе и проследовал мимо нескольких искорёженных столкновением машин, разбросанных по автостраде. Вице-премьер не удостоил их даже взглядом, за минувший год зрелище аварий, сопровождающих его поездки, давно уже стало обыденной картиной. Его автобус не перевернулся, и это главное, остальное не более чем сопутствующие мелочи. Пока доберёмся до Москвы, с десяток раз заменят лопнувшее колесо, порвавшиеся ремни и переставят какую-нибудь запчасть. В прошлую поездку вообще застучал двигатель, и пришлось пройти на буксире полтысячи километров. А тут всего лишь какая-то посторонняя авария. Обращать внимание на подобную ерунду означает лишь даром тратить драгоценное время. Но воспользоваться удобным случаем для поддержания имиджа стоит всегда. Он коснулся кнопки вызова референта.

– Да, Валентин Иванович? – мгновенно появился тот. – Подать обеденное меню?

– Давайте, – согласился вице-премьер. – И выясните обстоятельства этой аварии. Пусть моя пресс-служба по возвращении в Москву подготовит официальное

заявление, в котором выразит соболезнования пострадавшим или что там потребуется. И пускай рассчитают для них некоторую сумму моей добровольной помощи в качестве пожертвования, – Лозинский забрал у референта меню, – в пределах разумного, разумеется. В заявлении должно подчёркиваться, что ни я, ни мой кортеж не имеет к этой аварии никакого отношения, но, увидев произошедшую трагедию, я не смог оставаться безучастным. Сколько нам до границы с Чехией?

– Три часа пути... эээ... в штатном режиме, – ответил референт. – Возможно, даже быстрее!

Наигранный оптимизм референта вызвал у Лозинского лёгкое раздражение, и он нажал кнопку закрытия перегородки. Перегородка двинулась вверх, но тут в глубине обшивки салона что-то громко щёлкнуло, и она остановилась на полпути. Из её нижних пазов пошёл едва заметный дымок, и запахло сгоревшей проводкой.

– Сейчас починим! – в незакрывшемся проёме немедленно возник один из телохранителей. Он коснулся пальцем вставленной в ушную раковину гарнитуры рации: – Это пятый. Электрика сюда!

– Не сейчас, – вице-премьер махнул рукой, отпуская телохранителя. Скверное настроение внезапно сменилось на приподнятое. Ещё одна мелкая поломка его не остановит. Что бы там ни случилось, у него есть пятьдесят один день свободы, и никто не отберёт у него ни минуты. Это большая удача, что среди научной комиссии ООН, попавшей под первый после «Дезинфекции» Выброс, оказался племянник Кугельштайна. Чтобы излечить родственника, знаменитый нейрохирург занялся поиском средства, способного победить Зависимость, и не бросил исследований даже после того, как племянник не выдержал мучений Зуда и покончил с собой, выбросившись с крыши собственного пентхауса. Правда, методика анестезии, подходившая для покойного, стоила жизни Линдеру, но с этим уже ничего не поделать. В какой-то мере это даже хорошо – Линдер поехал к Кугельштайну на первую операцию вместо Лозинского, которого задержали в Ареале проблемы первоочередного характера, как раз в тот момент решался вопрос по освоению крупной части бюджета. Зато потом методики заносчивого немца срабатывали без ошибок, а в случае сомнений Лозинский всегда может послать вперед себя Прокопенко, как это делает Белов со своим безмозглым племянником. И это абсолютно правильно. Что такое три миллиона долларов в сравнении с возможностью хотя бы временно освободиться

от Зуда?! Гроши. Но Кугельштайна в любом случае следует проверить со всей тщательностью. На будущее. Рано или поздно кто-нибудь сможет воспроизвести его сыворотку, и прощать напыщенному учёному индюку его заносчивость вице-премьер не собирался. За окном раздался визг тормозов и надрывный сигнал клаксона, сменившийся глухим звуком удара. Спецавтобус не сбросил скорости, шум экстренно тормозящих автомобилей быстро затих позади, и Лозинский открыл обеденное меню.

2

Северо-западная окраина погибшего города Ухта, Ареал, Зелёная Зона, 80 километров и 9 метров от места нанесения ядерного удара, 24 октября 2011 года, 12 часов 25 минут, время московское.

Идущий первым сталкер остановился и сверился с выдавшим виды УИПом. Некоторое время он водил левым предплечьем с укреплённым на нём прибором из стороны в сторону, вглядываясь в показания индикаторов, после чего немного подался вперёд и принюхался, словно собака.

– Пришли, – уверенно заявил он, оглядываясь на сутулого человека в охотничьем камуфляже с потертым автоматом в руках. – Два шага до Жёлтой. Отдохнуть бы, прежде чем туда лезть, а?

Сутулый посмотрел на свой УИП, отыскивая глазами окошко хронометра, и коротко бросил:

– Привал! – Десяток вооружённых людей, не снимая рюкзаков, уселись прямо на тропу, по которой шли. Сутулый подошёл к одному из них и по зёковской привычке присел на корточки.

– Может, всё-таки замазать «Шестое Чувство», Фикса? – тихо спросил он человека с руками, густо покрытыми уголовными татуировками. – Не выпасем ведь гадов! По-любому «Невидимки» у них, да и вешки лажовые, зуб даю! Специально ставят, чтобы непрошенных гостей запутать!

– Нет, – его собеседник сверкнул стальными коронками передних зубов. – Палево, сами засветимся и дело провалим. Там не лохи сидят, расколят нас в два счёта и уйдут. Если сменяют место, вообще не найдём. Так что не будем быковать. Осмотримся, прикормим барыгу ихнего, на гниль проверим, и уйдём. Пускай пока привыкает к тебе. Когда будешь с ним базарить, разведи, чтоб первый со стрелы сваливал, посмотрим, в какую сторону пойдёт. Путь у него, стопудово, кружной, но всё равно знать не помешает. После того замеса два месяца прошло, сто раз всё изменилось.

– Понял, не дурак, – ухмыльнулся сутулый. – На ухо присяду ему, или наеду, посмотрим, как базар пойдёт. Свалит шустро, никуда не денется. Кореша его даже не допрут, что к чему, барыга стрелы всегда на поляне набивает, до кустов далеко, не услышат они, о чём базар.

– Хорошо, – одобрил уголовник с фиксами и негромко добавил: – Всё, двинули. Харэ беспонтово штаны мять. Котлы тикают, а нам ещё до поляны идти.

– Сталкер ноет, устал, типа, – сутулый с недовольной гримасой оглянулся на сидящего в голове колонны человека. – Может, отдохнем ещё? Мало ли что, упаси господи... Не вляпался бы, без проводника в Жёлтой никак!

– Пять минут! – тихо заявил Фикса. – Слишком свежим он выглядеть не должен. Мы, с понтом Общакровские, значит, Ухту по кругу обходили, да ещё и ночью. Должны были устать.

Сутулый кивнул, поднялся на ноги и направился к отдыхающему сталкеру, на ходу оглядываясь на развалины домов. Вряд ли кто-то из людей Медведя мог следить за ними сейчас, они не высовывают носа из Жёлтой Зоны, а если и выходят, то явно не здесь. Тут пролегает кратчайший путь к поляне, на которой ведет торговлю их барыга, тропа по ареаловским понятиям считается нейтральной, как и любая дорога к приёмным пунктам и магазинам, где можно отовариться. Но это ещё не значит, что никто никогда не пытается нарушить этот закон. Не пойман – не вор, как говорится. А раз так, то лучше смотреть в оба, отморозков в Ареале хватает, не говоря уже о Зомби... Взгляд бандита скользнул правее, по руинам, и невольно упал на далёкое здание ГНИЦ. Уголовник торопливо перекрестился. Бесовское место! За год с лишним, прошедшие после катастрофического Выброса, размеры Ареала увеличились, и Жёлтая Зона частично поглотила северные окраины мёртвой Ухты. Городской квартал РАО теперь полностью находится в Жёлтой, но белую высоту ГНИЦ по-

прежнему хорошо видно из любой части разрушенного города. Новенькое здание, чистое, словно только что после покраски, возвышалось над потемневшими руинами, покрытыми синюшным мхом с жёлтыми кляксами разводов. Пустые глазницы окон зловеще взирали на останки Ухты, словно выискивая среди них уцелевших людей, чтобы заманить их к себе и жестоко умертвить. И способов для этого у него предостаточно. Самые лихие сталкеры, рискующие соваться туда, возвращались далеко не всегда, а те, что всё-таки выходили живыми, рассказывали жуткие вещи. Сам Сутулый несколько раз порывался сходить с ними в ГНИЦ, но всякий раз инстинкт самосохранения оказывался сильнее жажды наживы. А поживиться там было чем, львиная доля всех богатств, собранных в Ареале за последние десять лет до того памятного Выброса, осела в этом зловещем здании...

– Пошли дальше! – заявил сталкеру Сутулый, придирчиво выждав отведённые Фиксой пять минут. – Хватит вату катать! До поляны ещё дойти надо, а напрямик нельзя, дальше развалины фонят сильно, придется обходить.

– Не придётся, – проводник нехотя встал с тропы. – Нет там уже радиации, Жёлтая всё сожрала.

– Откуда знаешь? – немедленно насторожился Сутулый. – Ты же базарил, что не был тут давно!

– Ваш Хозяин не единственный, кто к Водяному менял посылает, – пожал плечами сталкер. – Два Выброса назад знакомые мужики водили на ту поляну кого-то из Наёмников, вот и рассказывали.

– Чего ещё они тебе рассказали? – надвинулся на проводника бандит. – Почему не предупредил?! – Его рука потянулась за висящим на поясе ножом. – На две бригады работаешь, падла?!

– Ты чего, Сутулый?! – мгновенно побелевший сталкер испуганно отпрянул от уголовника и скороговоркой затараторил: – Я под вашей крышей семь Выбросов уже! Ты не спрашивал просто, вот я и не говорил! Да и говорить-то особо нечего было! Ну, наняли мужиков Наёмники, дали караван вести, пятнадцать человек с рюкзаками, обычное дело! Те и довели! На сделку их не взяли, они её метров с десяти видели, о чём речь шла, не слышали, что Наёмники Водяному торговали, тоже не разглядели. Да и никто особо не разглядывал, запахло это, ты понятия

знаешь! Покупали они воду, её потом каждый на себе по четыре канистры на коромыслах тащил, мужики ещё говорили, что задолбались конкретно, пока в Зелёную вышли, а там Наёмников грузовик ждал, место я не знаю, не раскрывали! Ещё говорили, что старший каравана долго убеждал Водяного, пытаюсь получить что-то, непонятно что, но оно, видать, позарез ему было нужно. Только Водяной это не продал, потому как не имелось в наличии, сказал лишь, чтобы узнавали через пару Выбросов. Вот и всё! О чем было рассказывать-то?!

- Ты что, фраер, в натуре рамсы попутал?! - взъярился Сутулый. - Наёмники возле нашей малины на грузовиках разъезжают, и два Выброса назад Водяной им стрелу набивает как раз через два Выброса, а ты тут базаришь, что рассказывать не о чем?! А если они прямо сейчас где-нибудь тут, в развалинах, зашкерились и ждут, когда мы обратно с товаром пойдём, а?! Сука, если подставишь, я тебя сам на перо насажу!

- Не кипятись, братан, - негромко окликнул его Фикса. - Не кошмарь фраера, ему сейчас дело делать. - Уголовник бросил на Сутулого многозначительный взгляд. - Не закосячил он, ерунда это. Братва перед нашим выходом округу пробила, нет здесь никого. И с Наемниками у нас перемирие ещё на два Выброса, так что, - он перевёл взгляд на сталкера, - давай, братан, веди дальше.

- Базара нет, - согласился Сутулый, быстро меняя гнев на милость. - Извини, братан! - он хлопнул испуганного проводника по плечу. - Мой косяк, не прав был. Пошли, что ли?

Сталкер расслабился и принялся поправлять на себе снаряжение, что-то негромко объясняя Сутулому. В нескольких метрах позади него Фикса, делая вид, что туже затягивает головную повязку с «Филином», скорчил злобную рожу и украдкой показал Сутулому средний палец. Тот поспешно отвёл глаза. Фикса скрыл вспыхнувшее внутри раздражение. «Сутулый, козлина тупая, придурок лагерный! Нашёл, когда фраера задрючить! В двух шагах от Жёлтой Зоны, по которой он нас сейчас поведёт!» - Уголовник поморщился и перевесил болтающийся на груди автомат ближе к правому плечу. Ладно, сталкер вроде успокоился. Пусть отрабатывает свои бабки спокойно, без шкурохода, а потом, когда вернёмся на хату, мы этот разговор на тему Наёмников продолжим, как говорит Хозяин, в более благоприятной обстановке.

Спустя минуту караван втянулся в Жёлтую Зону, и бандиты взяли оружие наизготовку. Теперь смотреть по сторонам приходилось втрое тщательнее. Засада возможных конкурентов была самой малой из потенциальных опасностей. В любой момент могли появиться Зомби, напасть стаи мутировавшего зверья, ставшего теперь предельно агрессивным, или прийти Бродяги. Вреда от них, если не подпускать к себе, немного, разве что вонь, но вот неизбежная стрельба привлечёт сюда много кого, и это уже действительно проблема... Он посмотрел на бесполезный УИП и машинально поправил лежащий в набедренном кармане «Дозиметр». Мет не нагревался и вообще не подавал признаков жизни. По ходу проводник не облажался, радиация здесь действительно пошла на убыль. Два месяца назад, когда Хозяин в первый раз велел замочить Медведя и весь его куцый ОСОП, желая прибрать к рукам московских учёных, тут была ещё Зелёная Зона и счётчик Гейгера показывал слишком высокий фон. Приходилось давать кругалю в добрый километр, а сейчас вроде всё в ажуре и проводник ведет почти по прямой. Да и тропа натоптанная, ходят к ОСОПовскому барыге явно не раз в месяц. Темнит что-то сталкер, когда божится, что не знает ничего. Или лошара он среди своих, вот и не рассказывают ему особо.

Фикса внимательно всматривался в окрестности. За два месяца местность сильно изменилась, Сине-жёлтая кожистая растительность дала обильные всходы, среди которых поредевшие деревца зачахли, покрытые густым слоем синюшного мха с грязно-жёлтыми разводами, возвышенности и впадины заметно сгладились, от русла Чибью, проходящей когда-то неподалёку, осталась лишь неглубокая канава, на треть заполненная Студнем. «Филин» показывал его подрагивающие холодцеобразные лужи в каждом втором углублении, и проводник старался вести караван по максимально ровной местности, непрерывно орудуя перед собой заранее срубленной веткой и швыряя «жучку». Уголовник произвольно поёжился. В сумерках он чувствовал бы себя спокойнее, хоть Паутину видно, сейчас, под этим мутным зелёным небом, ни черта не заметишь. Тогда, два месяца назад, у него в руке была хозяйская «Ариадна», и хоть он вёл братву на замес, чувствовал себя гораздо спокойнее, чем сейчас. На всякий случай Фикса достал из кармана несколько пистолетных гильз и время от времени швырял их в направлении спины впереди идущего. Вляпаться во внезапно образовавшуюся перед ногами аномалию не хотелось. Успокаивало лишь то, что сталкера в проводники он взял опытного, тот ходит по Зонам уже пятый год, а до места сделки требовалось пройти не больше двух километров.

После катастрофического Выброса Ареал сильно изменился. Зелёная Зона мгновенно прыгнула до радиуса в сто тридцать километров, Выбросы хлынули, как из ведра, по одному в неделю стопудово, и с каждым из них она отрастала на двести метров. А вот Жёлтая, в одночасье расширившись до самого внешнего периметра Пояса, не двигалась с места почти год, словно жалкие обломки некогда мощного забора могли сдерживать её расширение. Но потом поползла и она, медленно, но неумолимо приближаясь к мёртвой Ухте. И вот теперь Жёлтая уже начала пожирать город, и Хозяин велел братве готовить южные развалины к заселению. А это конкретный гемор, подвалы раскапывать, и многие недовольны, мол, запахло это, пацанам лопатами махать. Приходится устраивать налёты на поселения Непров и Вольных и захватывать работяг, чтоб копали. Само по себе это тема: и добыча, и есть кому на развалинах вкалывать, и братве кураж. Но лично Фиксе, как правой руке Хозяина, слишком частые замесы доставляли серьёзную головную боль: возросло количество раненых, лепил не хватало, а метами можно вылечить не всё подряд. К тому же пленные часто сбегали, и хоть их всюду таскали с завязанными глазами, какая-то информация с беглецами наверняка попадала в руки врагов. Главная же шняга была в том, что Ухта невелика и Жёлтая один хрен доберётся до новых подвалов на юге города. Так что все эти раскопки не решат проблему жилья навсегда.

Проводник каравана привычным движением швырнул вперёд «жучку», привязанная к верёвке гильза пролетела прямо по тропе и внезапно исчезла посреди воздуха. В то же мгновение пустота с резким свистом выстрелила ею обратно. Сталкер, видать, сразу почувствовал неладное, потому что попытался уклониться, и удар пришёлся ему в плечо, свалив человека наземь. «Жучка» прошла по касательной, чиркнув по автоматному ремню, и отлетела далеко в сторону, вырывая из рук упавшего проводника верёвку. Метров через двадцать она шлепнулась на ровную с виду полянку, поросшую короткой синюшной травой, и с тихим чавканьем растаяла. Остальные участники каравана немедленно присели на корточки и замерли, не сводя глаз с проводника. Тот, потирая ушибленное плечо, поднялся на ноги.

– Ты как, братан? – осторожно окликнул его Сутулый, – цел? Может, повязку замутить или шину?

– Не, пронесло, – поморщился сталкер, осторожно двигая плечом. – Вроде всё цело. Синяк будет здоровый, но то и правильно. Расслабился я не в тему, повезло, что так по мелочи отмазался!

– Ты, давай, поосторожнее, – прям-таки по-дружески напутствовал его бандит. На этот раз ему хватило сообразительности не наезжать на проводника. – Не на променаде, в натуре, не приведи господь вляпаться! – он вновь перекрестился.

Сталкер пару минут разбрасывал гильзы, отыскивая обходной путь вокруг Центрифуги, воткнул в землю несколько вешек, отмечая правую границу аномалии, после чего караван продолжил движение. Проходя мимо куска толстой проволоки с обрывком красной тряпки, имитирующей флажок, Фикса привычно подумал, что все сталкеры, сующиеся в Жёлтую Зону, по-любому напрочь отмороженные. Но все же Хозяин прав: Ухта не будет в Зелёной вечно и что-то решать всё равно придётся. А вариантов-то негусто. Уходить на юг и зарываться в землю, как это сделали Сателлитовские, вот и весь расклад. Только Сателлит рыло государство с ворохом строительной техники, и делалось это без всяких Выбросов, пока Джъер был вне Ареала. У нас же, кроме лопат, ничего нет, так запросто нор на две тысячи рыл не накопаешь. И где от Выбросов прятаться по ходу дела? Выходит, от Ухты далеко не отойдёшь. Есть вариант дать бабла тем, у кого есть техника. Наёмники и Сателлитовские отпадают, эти помочь не согласятся. Общакровские и Нефтяники заломят ценник, но за работу, скорее всего, возьмутся, но тогда местонахождение новой малины не будет тайным, а это тема не мазёвая, жди налетов. Интриг и конфликтов хватает и без того. Так что Хозяин прав, завалить ОСОП и выхватить московских учёных стоит. Может, это решит проблему.

– Ложись! – громко прошипел сталкер, падая в синюшную траву. – Птицы!

Бандиты немедленно залегли, вжимаясь в примятую растительность тропы, кто-то торопливо щёлкал предохранителем дробовика. Фикса положил голову набок и скосил глаза в небо. Из глубины Жёлтой Зоны к ним приближалось целое облако мелких крылатых тварей, покрытых хитиновой чешуей вперемешку с пучками ещё не вывалившихся перьев. Ощетинившаяся кривыми клювами и загнутыми когтями мерзость издавала короткие пронзительные крики на грани ультразвука и хаотично менялась местами друг с другом. Если бросятся, то кому-нибудь точно кранты, подумал Фикса. Ради того чтобы закос под караван получился убедительным, они не взяли ни «Мембраны», ни даже ОЗК, а летнюю охотничью куртку твари разорвут на раз. Потому он и послал рулить караваном Сутулого, оставшись в самом его центре. Чувствовал, что может случиться какой-нибудь косяк, а ареаловское зверьё, если нападает на вооружённых людей, старается рвать тех, кто с краёв. Но на этот раз им подфартило, и стая пролетела мимо. Проводник выждал ещё минуту, после чего осторожно

поднялся и осмотрелся.

- Улетели, - сталкер облегчённо вздохнул, - айда дальше, до поляны метров пятьсот осталось. Если тропа будет такая же чистая, дойдём минут за двадцать.

Он поднял с земли оброненную «жучку», подобрал ветку, служившую щупом для Паутины, и двинулся вперёд. Пока добрались до места, пришлось сходить с тропы ещё дважды. Сперва попалась Грива, потом крупная Плешь. Гриву обошли быстро, с Плесью же пришлось повозиться. Сталкер ещё не успел полностью пробить её размеры, как она отползла назад точно по тропе и потерялась. Проводник как-то просёк тему, бросил гильзу туда, где ещё минуту назад сидела аномалия, и тихо выругался, глядя на то, как она целая и невредимая катится по тропе.

- Отползла, падла! - сообщил сталкер. - Придётся искать по новой!

- Братан, а ты, часом, не лоханулся? - предположил Сутулый. - Когда размеры вымерял?

- Ты же сам видел, как гильзы жрало! - проводник отёр рукавом пот со лба и поправил насквозь промокшую повязку с «Филином». - Тут она была! Назад отползла, по-любому! Хорошо ещё, что не вперёд, на нас, так бы пришлось по тропе сайгачить незнамо сколько! Пойду искать. Вы пока здесь стойте. И «жучками» вокруг вымеряйте, мало ли что...

Он шагнул вперёд, подобрал гильзу и бросил её перед собой. Та упала на чистое место, и сталкер повторил всё заново, шаг за шагом продвигаясь по тропе. Плешь обнаружилась метров через семь, и проводник потратил минут двадцать, определяя её границы и рассчитывая безопасный обход. Опасаясь повторного сползания аномалии, он перепроверял всё трижды, после чего рискнул пройти сам, перед каждым шагом швыряя вперёд «жучку» и отмечая путь вешками.

- Давайте по моим следам! - произнёс он, выйдя на тропу с другой стороны Плеши. - Тут чисто.

- А вдруг она снова поползет? - не двинулся с места Сутулый. - Как раз, когда я обходить буду? Прямо мне под ноги, в натуре! Иди сюда, вместе пойдём!

– Плешь если остановилась, то сразу не двигается! – заверил его сталкер. – Десять минут точно на одном месте сидеть будет, а эта большая, не меньше двух часов просидит. Нам даже повезло, что она сейчас зашевелилась, если с Водяным быстро сторгуетесь, обратно её легко пройдем. И другие аномалии её обходить будут, так что этот участок тропы пару часов останется чистым, мамой клянусь! Вот, смотри!

Он быстрым шагом прошёл по своим следам к Сутулому и тут же вернулся обратно. Тот торопливо засеменял следом, и весь караван последовал его примеру, спеша быстрее удалиться от безжалостной смерти, ничем не отличающейся от обычной синюшно-жёлтой травы, покрывающей всё вокруг. Последние двести метров прошли спокойно, и сталкер остановил караван, указывая Сутулому на плотно утопанный ногами участок земли, огороженный несколькими добротными вешками.

– Пришли. Это и есть поляна Водяного. Тут место ожидания, – он швырнул на полянку несколько гильз, благополучно упавших на утопанную траву. – Чисто. Сам торг происходит вон там, с краю, где травы нет. Водяной прикатит туда свою тележку. К нему можно подходить только поодиночке.

– Это ещё с какого понта? – Сутулый презрительно сплюнул. – А поклоны ему отбить не нужно?

– Я предупредил, – пожал плечами сталкер, – это все знают. И ещё с ним не спорят. В смысле, торговаться можно, а так – лучше не надо. Он ведь того... не совсем обычный. Никто не видел, чтобы он пользовался «жучкой» или пробником каким. Ходит со своей тележкой, словно не по Жёлтой Зоне идёт, а по бульвару где-нибудь на Большой Земле. Мужики говорят, он как Зомби аномалии обходит, прямо по ходовой, даже не останавливается.

– И что, никто даже не проверил его на душок? – ухмыльнулся Сутулый. – Глядишь, и скидку бы дал, а то и вовсе подарил бы канистру-другую!

– Так ведь все знают, чей он, – удивился проводник. – Наедешь на Водяного – жди ОСОП в гости. А с Медведем зарубаться дураков нет. После такого замеса ещё никто довольным не оставался. Говорят, месяца два назад на их базу целая армия напала, человек сто, не меньше! Как только такую толпу смогли в Жёлтую провести и не вляпаться нигде – уже загадка. Сталкеры поговаривают, что у

кого-то завелась «Ариадна», не иначе, вот и решила какая-то братва учёных ОСОПовских к рукам прибрать вместе со всем их барахлишком. Только ОСОП им таких пистонов вломил, что едва половина в живых осталась, и те еле ноги унесли.

– Ого! Вот это, в натуре, тема! – очень убедительно удивился Сутулый. – Это кто же был такой духовитый? Устроить замес с ОСОПом, да ещё и в Жёлтой Зоне?

– Кто бы ни был, а подготовились они неслабо! – ответил сталкер. – Потому что никто так и не выяснил, чьи то были люди. Треп-то всякий стоит, кого только не подозревают. И нас, потому что мы рядом, и Общаковских, потому что у Рашпиля народу больше всего, и Наёмников, потому как вооружены хорошо и обучены, и Сателлитовцев, они же награду за Медведя назначили, и Нефтяников, мол, среди них инженеров полно и учёные имеются, им ОСОПовских москвичей научные бумажки потребовались. Кто-то даже приплетает Вольных и Нейтралов, но это уже перебор, по-любому. Выяснить-то никак, все трупы в Жёлтой Зоне остались, ОСОПу, стало быть. Это, кстати, недалеко отсюда произошло.

Проводник указал рукой вперёд, на покрытые сине-желтым мхом развалины внешнего периметра.

– Вон остатки забора, что Пояс огораживал. От него по прямой до базы ОСОП метров триста.

– А что сам Водяной базарит? – подал голос Фикса. – Медведь сказал, на кого покос упал?

– Ничего не говорит он, – пожал плечами сталкер. – Торгует себе да торгует. На вопросы отвечает односложно, мол, не знаем, что за бригада, и всё. Не любит он не по делу трепаться.

– Слышь, братан, а сколько их там, у Медведя, молотобойцев этих? – Сутулый, прищурившись, вглядывался в сторону развалин забора.

– А черт их знает, – ответил проводник. – Кто говорит, двадцать, кто сорок... Как узнаешь, они же там живут, – он кивнул в сторону руин Городка РАО. – А туда особо никого не тянет. Завалят в пять сек, Медведю это дело – что Синьку прихлопнуть, об этом вся Ухта знала, ещё когда цела была.

– Братан, а мы не опоздали? – не унимался Сутулый. – Раз Водяной вешки тут насадил, может, он уже свалил отсюда? Не дождался, в натуре...

– Нет, – уверенно заявил сталкер, – я к нему четырежды караваны водил, он всегда заранее безопасную поляну выбирает, а телегу привозит часам к трём, если по солнцу судить! – проводник задрал голову к зелёному небу и посмотрел на мутное голубое пятно светила. – Мы даже раньше пришли, подождать придётся немного.

Бандиты разлеглись на поляне, но сталкеру Сутулый отдохнуть не дал, заставил ходить по периметру вдоль расставленных вешек и швыряться «жучкой». Фикса скинул рюкзак, подложил его под голову и прикрыл глаза, замутив закос под спящего. Место для сна он, типа случайно, выбрал таким образом, чтобы из-под прикрытых век хорошо видеть уходящую к развалинам забора тропу. В том, что поляна Водяного безопасна, он не сомневался. Хата ОСОПа неподалёку, и их барыга по-любому знает эти места и зря вешки в землю пихать не станет. Ему обмен нужен не меньше, чем менялам из Зелёной, иначе не мутил бы эту тему вовсе. К тому же сегодня второй день «нелётной погоды», и количество движущихся аномалий вдвое меньше обычного... Да и треп всё это, что барыга ареаловскую смерть чует. Хозяин считает, что «Ариадна» у него есть. Возможно, Медведю досталась та, что была у Ферзя. Незадолго до катастрофы РАО объявило, что Салмацкий пропал без вести в Красной Зоне вместе с уникальным метом, но мало ли что чиновнички могли объявить! Ради своих планов они народу что угодно расскажут. Легавым веры нет. Могла и сохраниться «Ариадна». Только как барыга её таскает? Все, кто его видел, божатся, что руки у него свободны. Хозяин сказал, что ОСОПовцы нашли способ пользоваться её иначе...

Фикса задумался. В момент катастрофического Выброса они с Немым находились в подвале захолустной избы, шкерились от мусоров РАО, проводивших облавы на братву по всей Ухте. Как перестало трясти, вылезли наружу, а вокруг Зелёная Зона. Такой звездоворот начался, что до сих пор вспоминать не в масть. Хорошо, в избе нычка была с приспособами для Ареала, так бы сгнули. Сутки через изломанную тайгу к Ухте выходили. Зверьё кидалось, словно бешеное, аномалий полно, откуда-то радиация взялась... Студень с Паутиной чуть ли не везде, лес по ночам светился, что Невский проспект перед Новым годом. Выбрались к городу, а там одни развалины, фонят так, что волосы на затылке трещат, и зомбаки табунами бродят с вымазанными в крови рылами. Позже появились спасатели, и они с Немым закосили под работяг

с нефтепромысла. В карантинном лагере встретили кого-то из братвы, тот шепнул, что Рашпиль тоже выжил и теперь собирает вокруг себя людей, что в розыске мусорском находятся. Малина у них где-то в руинах Сосногорска. Туда и рванули. Сосногорск сровняло с землёй неслабо, но радиации там было заметно меньше, и Рашпиль растусовал выживших эков по подвалам. Спасатели и мусора туда было сунулись, но братва завалила десяток легавых, и те отвалили. Потом Выбросы пошли, и спасательная тема закрылась навсегда. Какое-то время жили в Сосногорске, выбираясь в Ухту трясти лохов и шмонать развалины. Там Фикса и встретил Хозяина. Тот, по ходу, в натуре в огне не горел и в воде, точнее, в Студне, не тонул. Он уже вовсю что-то мутит в руинах Ухты, его прежние деловые партнеры интереса к Ареалу не потеряли, и бабла у него меньше не стало. Он сделал Фиксе выгодное предложение, отказаться от которого мог только debil. Фикса взял Немого, свалил из рашпилевского Общака и с тех пор рулит Хозяйской бригадой и хорошо себя чувствует...

– Гадом буду, он, в натуре, по Жёлтой, как по продолу, топает! – возбуждённо зашептал кореш Сутулого, сидящий на своем рюкзаке неподалёку. – А не зомбак ли он? Упаси господи меня, грешного...

Фикса торопливо проследил его взгляд. Барыга появился совсем с другой стороны, он шел откуда-то справа, прямо через сине-жёлтые кожистые заросли, словно вокруг не существовало не то что под завязку напичканной смертельной лажей Жёлтой Зоны, но и Ареала вообще. Невысокий худой тип в ОСОПовском камуфляже, ни «Мембраны», ни «Латника», ни оружия. Намётанный глаз рецидивиста сразу определил, что внешние карманы комка пусты. За собой барыга одной рукой тянул маленькую тележку с каким-то контейнером вроде тех, что использовали яйцеголовые в секретной лабе Хозяина, которых потом Ферзь, падла, замочил.

– Слышь, а может, он, в натуре, зомбак? – Сутулый, которому предстояло рамсить с барыгой, заметно напрягся и нащупал лежащий на земле автомат. – Чё он молодой такой? И между двух деревьев прошел, там, по-любому, Паутина должна висеть! Я чую запахло...

– Нормальный он, – зашептал в ответ сталкер, – говорю же, видит он аномалии, мужики говорили! В прошлые разы точно так же было, и всё хорошо проходило... Только за ствол не хватайся, так спокойнее будет!

– Кому как! – огрызнулся Сутулый, но автомат в руки брать не стал, продолжая буравить двигающегося через кусты человека с тележкой полным подозрения взглядом.

Фикса прищурился, пытаясь рассмотреть траекторию его пути. Без понту, слишком поздно заметили, даже если запомнить всё до мелочей, это ничем не поможет. Окажешься в самой гуще растительности, а что потом? Барыга оказался продуманный, шёл на сделку кружным путём, по-любому не хотел светить короткую тропу. Ладно, сваливать будет, пропасём. Тем временем человек с тележкой подходил всё ближе, и было хорошо видно, что двигается он всё же не напролом.словно между делом, барыга слегка петлял, огибая чистые с виду участки местности, и иногда пригибался, проходя между двумя деревьями, и перешагивал ямки, аккуратно проводя мимо них тележку с контейнером.

Аномалии обходит, падла! Фикса мысленно ощерился. Есть, есть у барыги «Ариадна», вот только как он ею пользуется? В руках ее точно нет. Фикса водил по Жёлтой Зоне братву с хозяйской «Ариадной» многократно и точно знал, что ни в набедренном кармане, как другие меты, ни на затылочной повязке, подобно «Филину», «Ариадна» не работает. Её можно только зажать в кулаке или стиснуть зубами, как это в своё время замутил ныне покойный Сема Чих. Других способов нет, он чего только не пробовал. Однако, судя по барыге, получается, что есть...

Человек с тележкой невозмутимо подошёл к ограждённой вешками поляне и остановился на пятачке, предназначенном для проведения торгов.

– Здравствуйте, Илья! – непринуждённо поздоровался он с проводником. – С кем имею честь вести дела на этот раз?

– Здравствуйте, Водяной, – откликнулся сталкер и виновато уточнил: – Сегодня я не в теме. Вот, близкий мой, – он указал на Сутулого, – сделку будет проводить. Его товар. – Проводник заметил, как Сутулый скопил на него глаза, и поспешил добавить: – От самого Сосногорска идём, пришлось Ухту по самым окраинам обходить, вторые сутки в пути...

Водяной никак не отреагировал на прозрачный намек о принадлежности менял к Общаку, и Фикса внутренне поморщился. Продуманный, падла! Косит, мля, под

Швейцарию...

– Ну, здоров, Водяной, – Сутулый подошел к барыге и протянул ему руку. – Сутулый моя погремуха. Братва базарит, у тебя воду можно купить по выгодной цене. В три раза дешевле, чем у легавых. И ещё шептали, есть у тебя, типа, снаряга специальная и какой-то хитровымудренный эксклюзивный товар. Может, пояснишь?

– Разумеется! – барыга с флегматичной улыбкой пожал Сутулому руку. – Вода питьевая, отличного качества, чистоту и сбалансированную минерализацию гарантируем. Максимальный размер поставки одна тонна. Что касается эксклюзивных предложений... – он склонился над своим контейнером и щёлкнул замками, открывая крышку. Из-под неё с шипением повалил холодный белый пар.

– Мля! – воскликнул Сутулый, отпрыгивая назад, – чё за ботва, в натуре?!

– Это термоконтейнер, – спокойно объяснил Водяной. – Предназначен для сохранения необходимой температуры. В данный момент он эксплуатируется в режиме холодильника. Ничего опасного в его устройстве нет, это сухой лёд испаряется.

– Предупреждать надо! – окрысился бандит. – Посреди Жёлтой Зоны базарим, нервишки-то пошаливают. И без твоих понтов вокруг опасности немерено!

– Поддержание низких температур обязательно, – терпеливо произнёс Водяной, он явно давал подобные объяснения постоянно. – Мы предлагаем медицинские препараты. Для длительного хранения они требуют содержания в холоде. Иначе срок годности начинает сокращаться. Дальше рассказывать или вас это не интересует?

– Давай-давай, пригодится! – Сутулый, осмелев, вернулся к барыге, и Фикса напряг слух, чтобы не пропустить чего по делу. – Если есть что-то путёвое, можем забашлять и за медуху. Бабки есть!

– Мы не принимаем оплату в деньгах, – покачал головой Водяной. – Нефть «Тип Х» нам тоже не требуется. Нас интересуют некоторые виды специальных боеприпасов, определённые образцы оружия, кое-какое научное оборудование,

редкие метамофиты и осколки метеорита. Учитывая специфику вашей... эээ... обитателей Сосногорска, думаю, стоит остановиться на метлах и осколках. Вот список, – он достал из кармана сложенный вчетверо листок бумаги и отдал его Сутулому. – Если у вас имеется что-либо из этого, сделка состоится.

Сутулый развернул бумагу и несколько секунд читал её содержимое. Фикса скривился. Судя по его роже, этот ОСОПовский прайс-лист поставил его в тупик. Тупой ишак, не завали дело, сделай заточку поумнее, придурок, ты же, с понтом, меняла!

– За мелкий осколок тонну воды! Хы! – гоготнул Сутулый. – У меня как раз есть один, третий месяц с собой таскаю, никто не берёт! А легавым из Сателлита за косарь зелени сдавать его запаadlo! – Он продолжил изучать список. – Чё?! Пять осколков за «Мембрану»? Или «Шестое Чувство», десять штук?! Да это фуфло, в натуре! Ее на приёмном пункте можно вымутить втрое дешевле и без такого гемора! Где их столько набрать, я чё, внутри ГНИЦ у Профессоров хату снимаю, что ли?!

– Мы предлагаем экспериментальный образец, – невозмутимо пояснил Водяной. – Это «Мембрана-М» повышенной комфортности, обработанная специальным покрытием нашей собственной разработки. Она имеет увеличенную втрое пуленепробиваемость, выдерживает разряд Соленоида средних размеров и позволяет выжить внутри Жаровни. При этом её вес на четыре килограмма меньше обычного изделия, а внутренняя гигроскопичность многократно повышена. Фильтры совмещённого со шлем-сферой противогаса более надёжные и имеют увеличенный срок службы, ну и ещё мелочи всякие. Если для вас это дорого, смотрите цены на медикаменты.

– А чё антибиотики стоят по-конски?! – углубился в чтение Сутулый, – в Сателлите и то ценник меньше! А если по приёмным пунктам прошерстить, то и подавно!

– Это универсальный антибиотик, – Водяной, по ходу, вообще никогда не уставал от тупых вопросов. – Он лечит любую болезнь. За пределы Ареала препарат лучше не выносить, активное вещество начнёт разлагаться.

– Чё, в натуре, любое? – недоверчиво уточнил бандит. – Даже если намотаешь?

– И венерические заболевания в том числе, – кивнул Водяной. – Достаточно одной инъекции. Далее по списку представлено обезболивающее, снимает любую боль, кроме Зуда, к сожалению. Ниже иммуномодулятор, повышающий сопротивление организма болезням, потом универсальный антидот, помогает от всех видов встречающихся в Ареале токсинов. Ещё ниже лечебно-косметические средства, более интересные для женщин. Особо могу выделить самую нижнюю позицию, это препарат для общего омолаживания организма, способствует регенеративным процессам, незаменим для получивших травмы, связанные с переломами или хирургическим вмешательством.

– Слышь, Водяной, – Сутулый расплылся в многозначительной ухмылке. – А это всё, случаем, не лажа? Чё-то больно сказочно звучит, очень смахивает на кидалово. И воды при тебе я не вижу. Как за осколок башлять собираешься? Или у тебя тонна по карманам распихана?

– За полгода торговли ещё никто не жаловался, – пожал плечами барыга. – Вы можете навести справки у своих товарищей, насколько я помню, в Сосногорске есть несколько менял, являющихся нашими постоянными покупателями. А воду вы получите сразу же, как только я смогу убедиться в подлинности осколка. Я не подвергаю сомнению вашу порядочность, просто уже бывали попытки обмана. Пару раз пытались продать кусок смолы и крупные куски янтаря. Даже не знаю, где они его взяли, в этих краях янтаря отродясь не бывало.

– Базара нет, – бандит полез в карман и вытащил небольшой осколок мутного кристалла. – На, проверь. А на тему остального я подумаю. Надо пообщаться с людьми, посоветоваться с близкими, ценник у тебя немаленький. Маляву эту с собой отдашь? – он потряс прайсом.

– Забирайте, я принес его специально для вас, думал, может, что заинтересует на будущее. – Водяной одной рукой достал зажигалку и чиркнул колесиком, зажигая небольшой огонек. Тремя пальцами другой руки он взял осколок за выпуклую часть и поднёс его сколотой стороной вплотную к пламени. Оранжевый язычок, вырывающийся из зажигалки, немедленно потух.

– Осколок настоящий, – подтвердил Водяной. – Я готов его забрать. Вы подтверждаете сделку, господин Сутулый? Этот осколок в обмен на одну тонну чистой питьевой воды?

– Подтверждаю, – вновь ослабился уголовник. – Только где она, вода-то? Ты же не хочешь меня попросить подождать часок-другой, пока натаскаешь сюда тонну на своей тележке?

– Никаких задержек не будет, – барыга отрицательно качнул головой. – Сделка заключена, и вы можете забрать воду прямо сейчас, она здесь. – Он прошел мимо Сутулого к краю отмеченной вешками поляны и перешагнул за её пределы, оказавшись возле скопления сине-жёлтых кустов.

– Э! Ты куда это собрался?! – насторожился рецидивист, делая шаг к лежащему на земле автомату. – Кинуть нас захотел?! – Братва резко засуетилась, хватаясь за стволы.

Но Водяной убежать не собирался. Вместо этого он положил осколок в карман, обеими руками ухватился за ближайший куст и с силой потянул его на себя, словно хотел выкорчевать из земли. Вместе с кустом его воздействию неожиданно поддался целый кусок зарослей чуть ли не в пять квадратов площадью. Обширная охапка растительности поползла за отступающим барыгой и оказалась маскировочной сетью, густо облепленной накладными кустами. Сеть скользнула к его ногам, открывая незаросший участок поляны, на котором обнаружилось пять крупных пластмассовых бочек, плотно составленных в компактную кучу.

– Бочки двухсотлитровые, – заявил Водяной. – Изготовлены из пластика, предназначенного для хранения пищевых продуктов. Заполнены под горлышко, таким образом, в каждой бочке на двести грамм воды больше номинала. Это для компенсации потерь при переливании, так как вам придётся уносить воду в своих ёмкостях. С бочками у нас дефицит, и мы их не раздаем. Можете проверить качество воды, если хотите.

Фикса спрятал злую ухмылку. ОСОПовский барыга, падла, развёл их, как детей. Вода всё это время была у них под носом. Они полчаса вату катали, ожидая Водяного, а до товара можно было доплюнуть, не сходя с места. Можно было сэкономить осколок, с ними теперь совсем кисло, Хозяин готов землю рвать, лишь бы заполучить ещё хоть один. Ладно, для дела не жаль. Теперь осталось главное – пропасти, как и куда именно барыга будет возвращаться. Сейчас он отвалит, и трое наших без палева пойдут по его следам. Тогда, при замесе, определить точное место ОСОПовской хаты так и не удалось, хотя Фикса сумел провести боевиков внутрь Городка РАО. Там их и встретила засада отморозков

Медведя. Аномалии «Ариадна» показать может, а вот мины, растяжки и ловушки – нет. Понять, сколько у ОСОПа людей и где они засели, так и не получилось. Видно было лишь одну пулемётную позицию в глубине развалин какого-то строения, да и та явно была заманухой. Пока все пытались замочить пулеметчика, остальные мочили братву из бесшумных стволов пачками. Свалить оттуда удалось не без изрядной доли везения, когда вернулись на хату, Фикса насчитал в своем «Латнике» одиннадцать пуль. Пришлось сдать его за копейки барыге на обменном пункте легавых...

– Переливайте! – Сутулый махнул рукой братве. – Доставай канистры! – Он подошёл к Водяному и заявил: – Слышь, братан, у нас, по ходу, столько канистр не будет. Не знал я, что смогу столько воды сразу затарить. Не в падлу, отдай одну бочку, а? Я баксами за нее забашляю, назови цену! – Он вынул из кармана толстую котлету зелёных.

– Деньги нам не интересны, – напомнил Водяной. – Но если дадите слово вернуть, забирайте. Только без обмана, иначе мы больше не будем вести с вами никакой торговли.

– Вернём! – заверил его Сутулый, – при братве заявляю! Я за свой базар всегда отвечаю! На следующую сделку притащим, гадом буду! Или передадим с кем-нибудь из наших, если кто к тебе раньше пойдёт, бочка-то пустая весит мало.

– Договорились, – согласился барыга. – Осторожнее с ней, пластмассовая всё-таки.

Он вернулся на свой пяточок и принялся наблюдать, как покупатели осторожно опорожняют бочки, наполняя канистры. Фикса украдкой кивнул Сутулому. Пора заставить барыгу свалить.

– Братан! – Сутулый с дружеской улыбкой подошел к Водяному. – Да ты не жди нас, чего время без понту тратить! Нам двадцать канистр наполнять, коромысла делать, а потом ещё над приспособой мутить, чтобы бочку тащить. Гемор это конкретный, может, до вечера париться придётся. Иди домой, Водяной, тару мы твою тут оставим, потом заберёшь.

– Спасибо, – поблагодарил барыга. – Но я подожду. У нас так принято, я должен убедиться, что сделка полностью завершилась и клиенты ушли с покупками с

поляны в целостности и сохранности. Время у меня есть.

– Да ты чё, братан, не веришь мне, что ли? – очень натурально обиделся Сутулый. – Не тронем мы твои бочки, я же при братве слово дал! Нам чужого не надо! Иди домой, не кипиши!

– Я вам верю, – Водяной был невозмутим. – Но лучше подождать. Дело не в бочках, просто я хочу быть уверен, что вы вернетесь спокойно. Вдруг аномалия на поляну напозёт?

– Так с нами Илюха! – продолжал улыбаться бандит. – Он сталкер матёрый, Ареал знает, и по Жёлтой ходит фартово. Он на стреме постоит, если что, сразу кипишнёт. – Внезапно лицо Сутулого помрачнело, словно его озарила страшная догадка: – А может, ты пропасти нас хочешь, а, Водяной? – Бандит с подозрением надвинулся на барыгу. – Увидел, как я баблом светил, и теперь ждёшь, когда мы отвалим, чтобы следом двинуть, а?! Будешь пасти нас до Зелёной, срисуешь маршрут, а потом к поделщикам своим метнёшься. Идти мы с таким грузом будем медленно, потому ты и бочку так легко согласился нам отдать. Поверил незнакомым типам на слово, не побоялся, что мы кидалы и разведём тебя на доверии! Нас с этой бочкой догнать ещё легче! И завалить всех без палева! И водичку сохранил, и осколок получил, и бабло, и барахлишко! Что молчишь, фраер, не иначе я в цвет попал, а?!

При этих словах братва прекратила возню с канистрами и резко подтянулась к месту рамса, беря барыгу в полукольцо. Их лица не предвещали ничего хорошего, и Фикса внутренне усмехнулся. Сутулый залепил постанову красиво, сейчас фраер свалит, никто не рискнет быковать в одного перед десятком вооружённых боевиков, пусть даже у него будет сразу две «Ариадны». Мертвому меты не нужны.

– Послушайте, господин Сутулый, – поморщился Водяной, – я даже понятия не имею, как вам такая мысль в голову пришла. – Он сложил руки на груди. – Убивать мы вас не собираемся. Мы дорожим репутацией и заинтересованы в клиентуре...

– Завали хайло, фраер! – жёстко наехал на барыгу Сутулый. – А то сейчас тебе в голову моё перо придёт! – Он выхватил из поясных ножен нож. – Понятий ты не имеешь, это точно. Так что веры тебе нет! – Бандит сплюнул под ноги Водяному,

поднёс нож к его лицу и зашипел сквозь зубы: – Так что вали отсюда, падла, пока свои кишки не увидел!

Барыга отступил от Сутулого на шаг, и в следующую секунду раздался звонкий удар металла о металл. Нож, кувыркаясь, выпрыгнул из руки бандита, тот вскрикнул и схватился за кисть руки. Кто-то из братвы отпрыгнул, уклоняясь от кувыркающегося клинка, и нож упал на утопанную ногами синюшную траву. У основания клинка, в рукоятке, хорошо виднелось пулевое отверстие. Звук соударяющегося металла повторился, и один из боевиков с кряканьем выдохнул, отшагивая назад и невольно хватаясь за висящий на груди автомат. Вторая пуля пробила предохранитель у основания и застряла внутри оружия, превращая его в бесполезный кусок металла.

– Снайпер! – хрипло выдавил из себя бандит, пытаюсь сделать вдох. – Волына у него бесшумная!

– Я вынужден попросить вас ускорить приготовления к отбытию, – Водяной был абсолютно спокоен. – Иначе мне придётся изменить условия сделки и наложить на вас штрафные санкции. С тарифами штрафов вы только что ознакомились.

Бандиты замерли, нервно шаря глазами по сторонам в поисках невидимого стрелка, и Сутулый растерянно покосился на Фиксу. Тот криво ухмыльнулся. Он с самого начала сиделищем чувствовал, что всё не так просто. Медведь отморозок, но отморозок матёрый, не стал бы своего барыгу на сделки с одними лишь понтами в карманах отсылать. И «Филин» молчит, никого не показывает. По-любому снайпера с «Невидимками» сидят, хрен заметишь. Сейчас стоит кипишнуть хоть кропаля, сразу маслину поймаешь... готовятся они к сделке, заранее готовятся, падлы. Потому барыга и выходит на поляну только один раз между Выбросами.

– Братва, по ходу, погорячились мы без понту, – примирительно сказал Фикса. – Некультурно как-то получилось. Ты извини нас, что ли, Водяной. Нервишки шалят, сам прикинь: Жёлтая Зона, гиблое место, сколько «жучку» не кидай, а очко всё равно играет! Закосячишь не дай бог – одно тряпьё и останется... вот пацаны и напряглись, не все, как ты, среди аномалий, как по променаду гуляют. А как выйдем в Зелёную, так дофига мазёво не станет, там Ухта, земли Городских. Мы с ними в контрах сейчас, так что на фарт вся надежда, нам ещё город с бочкой на плечах обходить придётся. Предлагаю эту тему убить, чтобы здесь беспредела не было, все знают, Общак такой фигнёй не мажется! –

подытожил Фикса и зыркнул глазами на Сутулоγο.

Тот привычно ослабился, натягивая на рожу дружелюбие, и протянул Водяному руку.

– Мир? – заискивающе уточнил уголовник. – Товар-то позволишь забрать, а?

– В ваших интересах сейчас не делать лишних движений в мою сторону, – флегматично ответил барыга, проигнорировав попытку рукопожатия. – Воду забирайте, она ваша. Бочку только вернуть не забудьте, как договаривались.

– Вернём по-любому, – с готовностью согласился Сутулуй, – я за базар отвечаю! – Он кивнул своим людям: – Братва, пошли дальше воду трелевать.

Назад выходили долго. Бочку с водой пришлось вчетвером на горбу тащить, для этого с горем пополам соорудили из автоматов приспособу вроде носилок. Остальные тащили канистры, сложенные на такие же носилки. Но канистры не бочка, размерами коротковаты, из-за чего постоянно сползали с приспособы в разные стороны, и приходилось часто останавливаться, чтобы отдохнуть и переложить груз. В результате до Зелёной Зоны добирались часа полтора. Там стало проще, заработали УИПы, и скорость ходьбы увеличилась. Промаявшись полкилометра, вышли к схрону, где ждал грузовик, сбросили в кузов товар и поехали в обход Ухты. Вряд ли Медведь отправлял кого-то из своих шакалов пасти караван, но осторожность не помешает. Фикса заставил водилу отмотать пару километров по чистой дороге вокруг Ухты, и только после этого караван вернулся в развалины города. Грузовик заехал в полуобрушившийся склад, и встречающая караван братва окружила машину.

– Всем, кто в караван ходил, отмерь по пузырю воды и насыпь дури, – велел Сутулому Фикса, выпрыгивая из кабины. – Возьмёшь из хозяйских запасов. Сиплуй! – Уголовник отыскал в толпе встречающих крупного тучного человека с оплывшим лицом. – Прими товар и забашлай братве, как договаривались!

Фикса забрал у Сутулоγο маляву Водяного и направился к Хозяину. Для этого пришлось перейти через заваленную битым кирпичом дорогу и обойти отмеченную вешками Граву. Спустя сто метров захламлиной дороги счётчик Гейгера на УИПе запищал, и уголовник привычно принял левее, уклоняясь от

опасного места. Вскрабавшись на руины одного из домов, он кивнул стоящей на охране братве и спустился в зияющую в развалинах дыру по торчащей из темноты приставной лестнице. Оказавшись на погружённой во мрак лестничной площадке, Фикса достал из кармана «Светлячок», осветил уходящие в подвал ступени и двинулся вниз. Дойдя до тупика из груды обвалившихся перекрытий, он огляделся, нашёл крупный пролом в одной из подвальных стен и подошёл к его краю.

– Кто? – раздался из темноты голос, сопровождающийся клацаньем нескольких затворов. – Руки покажи! Медленно!

– Это я, – уголовник просунул в пролом обе руки. – Хозяин на хате?

– Заходи, Фикса, – разрешили ему. – Так фиг поймёшь, там он или нет. Немой здесь, тебя ждет.

Фикса шагнул в пролом, и «Светлячок» высветил тощую фигуру в полушаге от него. Немой кивнул, и оба рецидивиста направились вглубь наскоро расчищенного от обломков подвала. Пройдя мимо охраны, они зашли в ржавую железную дверь, и Немой запер её за собой. Заходить за неё кроме них двоих больше не разрешалось никому. Хозяин никогда не показывался братве, предпочитая действовать чужими руками. Однако это не мешало ему замочить любого любопытного, нарушившего приказ и сунувшего нос за ржавую дверь.

– Как? – коротко поинтересовался Немой, имея в виду результаты караванного похода.

– Беспонтово, – поморщился Фикса. Он отыскал глазами на грязном полу царапину и пошел по ней, словно канатоходец по канату. Немой пристроился позади. Царапина замысловато петляла по небольшому помещению, огибая невидимые в темноте мины, засыпанные строительной пылью, и упиралась в ещё одну железную дверь. Помнится, как-то давно один из охранников оказался слишком любопытным и захотел погреть ухо под дверь Хозяина. Ему оторвало ногу в этом самом помещении. Впрочем, мучился лошара недолго, всего полдня, после чего Хозяин велел зашвырнуть его в Плешь, чтоб другим неповадно было.

– Можно? – Фикса постучал в дверь, воспроизводя условный сигнал. – Это мы, босс.

Несколько секунд стояла тишина, потом что-то негромко щёлкнуло, и дверь отворилась в хорошо освещённую комнату, вычищенную, завешанную коврами и обставленную в стиле рабочего кабинета. Рядом с ней есть еще две, машинально отметил Фикса, типа, спальня и кухня, но сам он бывал там всего один раз, когда хату Хозяина подготавливали для жизни. Из спальни наверх есть ещё один выход. Ведёт он через развалины, в одном месте проходит почти вплотную мимо Раздирателя и выходит на улицу в целом саду из аномалий. Без «Ариадны» не пройдёшь, бесполезно, там Жернова пульсирующие. Кроме Хозяина этот путь для всех ничем не отличается от дороги на тот свет.

– Рад видеть вас, уважаемый Фикса! – Улыбающееся лицо Меркулова, как всегда, сияло дружелюбием. – Проходите, присаживайтесь. Я уже вас ждался! Водички? Холодной?

Он запер за рецидивистами дверь и энергично подошел к стоящему возле письменного стола холодильнику. Открыв дверцу, он извлёк из него пластиковую бутылку с водой и протянул её Немому.

– Стаканы на столике позади вас, – подсказал он бандиту и уселся в кресло. – Судя по вашему недовольному виду, Фикса, в нашей операции не всё прошло гладко?

– Лажово всё прошло, – скривился рецидивист, опускаясь на гостевой диван. – Не вышло барыгу пропасти. Он отказался уходить первым, а как только мы наехали на него, так повсюду маслины и засвистели. Не один он на сделку приходит, понты это. Медведь снайперов с «Невидимками» и бесшумными волынами вокруг поляны раскладывает. Заранее, по ходу. Поляна простреливается полностью, если накалять, то замочат всех в два счёта. Короче, пришлось замять тему, извиниться и свалить.

– Этого стоило ожидать, – неунывающим тоном заявил Меркулов. – Я подозревал наличие скрытой охраны, но не проверить было бы совсем неразумно. Жертвы есть?

– Нет, – покачал головой Фикса. – До мокрухи не дошло. Барыга даже товар за наезд отметить не стал, позволил забрать. Честный, падла! Тонну воды заменял на твой осколок. Бабло он не берет, расчёт бартером, но ценник на воду в натуре вдвое меньше, чем у легавых. Я маляву его прихватил, думаю, интересно тебе

будет. – Он отдал Хозяину прайс-лист Водяного: – Это то, что они хотят за свои ништяки.

С минуту Меркулов заинтересованно изучал список, не переставая при этом улыбаться.

– Получить у него этот список было очень разумно с вашей стороны, уважаемый Фикса! – наконец оценил он. – Крайне любопытный документ! В числе прочего тут указаны некоторые запасные части для альтернатора, компьютерные комплектующие и, насколько я могу судить, кое-какие элементы оборудования для скважины... занятные запросы для Жёлтой Зоны!

– Они там нефть качают, по-любому, – окрысился Фикса, – вот почему барыга «Икса» не берет!

– Не думаю, – прищурился Меркулов, продолжая разглядывать список. – Скважина явно бытовая... Скорее всего, они добывают воду, что и объясняет происхождение их основного товара.

– Так ведь в Ареале нет воды! – озадаченно наморщил лоб рецидивист. – Уходит она куда-то...

– Тогда откуда, по-вашему, ОСОП её берёт? – ещё шире заулыбался Хозяин. – Как она на вкус, кстати? Проверяли?

– Вода хорошая, – подтвердил Фикса. – В натуре, поприятнее Сателлитовской будет. А как добывают – бес их знает! Сталкеры шепчутся, мол, наверное, нашли водоём какой и забросили туда шланг. Ближе к воде не подойдёшь, но они ж учёные, мать их, по-любому замутили способ. Ну и качают теперь воду вручную, типа, как на колонке обычной или вроде того.

– Сомневаюсь, – покачал головой Меркулов. – Зов Ареала вблизи водоёмов непреодолим. Очень маловероятно, что вода там обычная. Теоретический анализ наших учёных показывает, что если набрать её в ведро, то всё, на что будет способен тот, у кого оно в руках, так это отнести его, как вы выражаетесь, Тёмному Властелину. Полагаю, дело тут в другом. Им известен способ заставить работать электрооборудование в Жёлтой Зоне, в этом сомневаться уже не приходится. Скорее всего, Медведь пытками вырвал информацию у одного из

учёных нашей частной лаборатории, когда они вместе с Ферзем жестоко убили всех её сотрудников. Всё это время мы считали, что способ этот погиб вместе с научным персоналом, но теперь выходит, что это не так. А раз ОСОП получил в свои руки учёных и возможность запуска в Жёлтой Зоне научного оборудования, логично предположить, что они наладили у себя добычу чистой воды.

– Чёт я не врубаюсь, как они это мутят, – с сомнением поморщился Фикса. – Там же нет воды. Как можно добывать то, чего нет? РАО ещё до того, как тут всем кранты пришли, в свои лабы в Зелёной Зоне воду вертушками завозило раз в неделю, строго по графику. А там и компы работали, и прочая электронная лабуда.

– Вот это нам и необходимо выяснить, уважаемый Фикса! – вновь заулыбался Меркулов. – Если мы сможем получить секреты ОСОПа, то две проблемы выживания в Жёлтой Зоне из трёх будут решены! У нас появится вода и электричество. Возможность полноценно жить в Жёлтой Зоне избавит нас от кочевой жизни и резко повысит нашу безопасность, мало кто сунется туда, тем более в больших количествах. Именно этим сейчас и пользуется ОСОП. Третью проблему – обилие аномалий – поможет преодолеть наём на работу опытных сталкеров. И сбор соответствующих метаморфитов.

– У Водяного по-любому «Ариадна», – хмуро сообщил Фикса. – Я видел, как он по Жёлтой ходит. Как на прогулке. Но в руках у него пусто. По ходу, ОСОПовские нашли ещё один способ, как ею пользоваться.

– И он тоже нам пригодится! – подхватил Хозяин. – В случае успеха, «Ариадну» торговца вы сможете взять себе. Вам, как высшему должностному лицу нашего сообщества, она необходима. Остаётся найти способ выяснить, где сейчас находится база ОСОП и как она охраняется. А с этим у нас пока проблемы... – Он задумался и негромко добавил: – Идеальным вариантом было бы внедрить к ним своего человека...

– Это как мусора к людям в бригады своих оперов подсаживают? Типа, крот? – Фикса усмехнулся, сверкнув стальными коронками. – Это очень сложная тема, босс. Ты в этом не разбираешься, так что поверь, я с подсадными утками в СИЗО на хатах не раз базарил. Тут человек с призванием нужен, иначе расколется его Медведь, как хреновый орех, до самой задницы. Я и сам мыслил по этой теме, могу посоветовать.

– Вот как? – с интересом посмотрел на рецидивиста Меркулов. – Конечно, посоветуйте, уважаемый Фикса! Мне, как человеку неопытному, ваше мнение пойдёт на пользу. Особенно если вы знаете, как минимизировать затраты, мои компаньоны вряд ли готовы сейчас на крупные незапланированные вложения.

– Баблом тут ничего не смажешь, – уверенно заявил рецидивист. – Медведь в ОСОП берёт только своих, потому никто и не знает, сколько их сейчас. Сталкеры базарят, что сорок рыл, но я думаю, лажа это.

– Согласен с вами, – кивнул Меркулов. – До катастрофы штатное расписание ОСОП составляло порядка пятидесяти человек. Но некоторая часть вакансий была не занята, плюс что-то около пятидесяти процентов личного состава по действующим тогда инструкциям РАО должна была всегда находиться на базе, в режиме быстрого реагирования. Там они и находились в момент катастрофы. Учитывая, что после Выброса Городок РАО оказался в Жёлтой Зоне, не вызывает сомнений, что подавляющее большинство этих людей погибло либо во время, либо сразу по окончании катаклизма. Я считаю, что к Медведю присоединились те сотрудники Отряда, что в тот день находились вне службы, например, болели или были в отгулах. Отпускники, скорее всего, не попали под Зависимость, хотя есть вероятность, что кого-то из них успели отозвать из отпуска и направить в Ареал до следующего Выброса. Таким образом, сейчас в ОСОП человек пятнадцать, не больше. Эти расчёты косвенно подтверждаются рассказами наших выживших людей и вашим отчётом, я постарался обобщить все сведения, что нам удалось вынести из той неудачной попытки уничтожить Спецотряд.

– По ходу верно, – согласился Фикса. – Короче, Медведь матёрый, собрал только своих, по-любому, кореша они там все! Потому что просто спецов отмороженных можно и у Наемников надыбать, только чужаки Медведю в хвост не вперлись. И замутить к нему своего человека будет без понту, лоханётся он быстро. Я так мыслю: не нужны Спецотряду пришлые, иначе давно набрали бы.

– Интересный анализ, очень познавательно! – обрадовался Хозяин. – И в чем же суть вашей идеи?

– Бабу к ним засылать надо! – довольно усмехнулся рецидивист, принимая из рук Немого стакан с водой. – На бабу быстро покос не упадёт, от неё западла ждать не будут, и потому она всё срисовать успеет.

– С бабой косяк может выйти, – неожиданно подал голос Немой. – Мразёвки они все продажные! Попадет на малину ОСОПовскую, раздвинет ноги грамотно, просечёт, что там ей теплее, и кинет нас. И ещё сольёт Медведю всё, что знает. Если бабу засылать, надо брать такую, чтоб с ребёнком была. Сучёныша её в подвал, если что не так – на перо! Только так! Бабам веры нет!

– Бабу с ребёнком достать геморно будет, – скривился Фикса. – Детей в Ареале мало. Если кого забрать, слухи сразу пойдут. Можно заказать у Общаковских, чтоб с Большой Земли притащили, но так палева ещё больше, могут растрепать.

– Джентльмены, думаю, вы оба правы! – Меркулов окинул обоих рецидивистов одобрительным взглядом. – И потому мы учтём все доводы. Девушка должна быть молодая и привлекательная, это внушит доверие, а чтобы исключить вероятность предательства, мы будем использовать её втемную. И она не должна быть участницей какой-либо группировки, это всё усложнит. Лучше всего поискать её среди Неприсоединившихся, как вы их называете – Непры? Либо среди новичков, если таковые вдруг поступят в Ареал. Нужно направить на поиски двух-трёх надёжных людей, не больше. Иначе рискуем получить утечку информации.

– У Непров бабы есть, но тоже гемор будет ещё тот, – почесал затылок Фикса. – С этими лошками вообще тяжело придётся, зашуганные они все, вечно шкерятся. Даже к барыгам ходят к одним и тем же, кого знают хорошо. Да и то редко, им спокойнее Перекупу товар сбыть в полцены, чем по Зоне, обгадившись от страха, в лабаз идти.

– Перекупщику, говорите... – Меркулов мгновение молчал, обдумывая какую-то мысль. – А это нам подходит.

* * *

– Нервные какие-то покупатели попадаются, – Влад устало поморщился и поставил на пол пустую пластиковую бутылку. – И почему люди не могут просто совершить сделку и уйти восвояси? Обязательно надо размахивать ножом или проверять меня на храбрость? Неужели не понятно, что я не пришёл бы к ним с охапкой редкого товара в одиночку! В Ареале живём, как-никак, а не в московском офисе ассортимент обсуждаем! Хорошо ещё, что хоть на этот раз никто не стал спрашивать, как я по Жёлтой Зоне без пробников хожу!

– Кстати, а как ты без пробников ходишь? – немедленно поинтересовался жилистый человек в сине-жёлтом камуфляже, отрывая взгляд от блокнота, в который записывал его рассказ.

– Кварц, я вас умоляю, не начинайте! – тоскливо закатил глаза Влад. – Не знаю я, как! Хожу, да и хожу. Просто иду и знаю, куда идти можно, а куда нет. Не вижу я никаких аномалий и не слышу. Только голову жечь быстрее начинает и пить чаще хочется.

– Это точно, – подтвердил сидящий рядом Медведь с абсолютно серьёзным выражением лица. – Водохлеб ты ещё тот, скважина только на тебя и работает. А покупатели думают, что ты Водяной потому, что воду продаёшь. На самом деле мы от Выброса до Выброса производим не одну тонну, а десять, но кто-то по ночам всё выпивает. Кварц, как думаешь, кто бы это мог быть?

– Даже не знаю, – с натугой наморщил лоб контрразведчик, – надо провести расследование.

– Понятно, – Влад обреченно махнул рукой. – Нет в жизни правды, и справедливость – лишь сказка для студентов юридических вузов. С осколком-то хоть всё в порядке?

– Никита говорит, что отличный, – Медведь поймал его печальный взгляд, направленный на пустую бутылку, и ловким движением выхватил откуда-то изпод стола такую же, только полную. – Держи, прирождённый обитатель пустынь. – Здоровяк протянул ему бутылку и предупредил: – Холодная! Никита, кстати, собирается на твоём осколке второй холодильник запускать. А то один не справляется с твоим водопотреблением.

– Уважаемые представители силовых структур, заканчивайте кошмарить бизнес! – официальным тоном заявил Влад. – Иначе я напишу на вас заявление и вам же его подам. Будете полгода отписываться. – Он посмотрел на Кварца: – Я уже всё рассказал, чуть ли не дословно вспомнил. Большого добавить невозможно. Что-то не так?

– Не нравятся мне эти Общаковские покупатели, – Кварц, нахмурившись, разглядывал сделанные записи. – Вы идите, мужики, я ещё посижу, подумаю...

– Тебе ещё ни разу никто из покупателей не понравился, – хмыкнул Медведь. – Не понимаю, как ты можешь подозревать негодяев в таких милых людях?! Они же само обаяние!

– Без шуток, Коля, не нравятся они мне, – повторил контрразведчик. – Я, конечно, не Рентген, он у нас мастер сверхзадачи распутывать, но кое-что в своём деле понимаю. И есть у меня подозрение, что не Общакровские это были бандюки. Их рассказ в некоторых мелочах не совпадает с их поведением. Например, Сутулый удивился цене на нашу «Эмку», он явно не знал о том, что это наш, так сказать, фирменный эксклюзив. Но среди постоянных клиентов Влада есть несколько Общакровских менял, – Кварц постучал шариковой ручкой по своему блокноту, – у меня всё зафиксировано!

Он перелистнул десятка два страниц и указал на открывшийся список из четырёх кличек. Возле каждой из них был приведён словесный портрет и короткое описание проведённых сделок: когда приходили, что на что меняли, сколько времени затратили.

– Ого! – оценил Медведь, разглядывая записи. – Тут есть даже вопросы, которые они задавали Водяному. Солидно. – Майор перевел взгляд на Влада: – Он всегда тебя так пытается?

– Угу, – вздохнул тот, – каждый раз. Безопасность превыше всего. – Влад приложился к бутылке.

– Зря иронизируете, – Кварц пристыдил их взглядом. – Предположим, Коля, ты один из криминальных элементов ОПГ гражданина Рашпиля. И тебе взбрело в голову посетить наш модный бутик. Который находится в смертельно опасной Жёлтой Зоне, а это означает, что придётся раскошелиться на сталкера, ты же торгаш, по Жёлтой не ходишь. И идти сюда надо через Ухту, которая принадлежит Городским, с коими на данный момент у Общакра имеются определённые трения, и есть все шансы быть немножко убитым. То есть, как правильно сообщил Владу Сутулый, придётся долго обходить город. Учитывая все эти нюансы, стал бы ты идти наобум, пусть даже и в первый раз, просто ради того, чтобы узнать ассортимент? Неужели ты не потрудился бы подойти к кому-нибудь из тех, кто уже бывал у нас, и просто расспросить его о деталях?

– Интересно, – Медведь неторопливо потер рукой подбородок. – Наши нервные друзья не те, за кого себя выдают. Но если они хотели скрыть свою принадлежность к какой-то группировке, могли бы просто ничего не говорить на эту тему. Выходит, покупатели желали скормить нам дезу. Зачем?

– Чтобы пустить нас по ложному следу в случае чего! – уверенно ответил контрразведчик. – Я пока не могу понять, что они планировали, но их истинной целью была явно не торговля. Они пришли со сталкером, который уже бывал у Влада четыре раза. То есть, теоретически, его можно найти и спросить, кто они. Но зачем спрашивать, если тебе сразу представились? А дальше ещё интереснее! Сутулый сказал Владу, что осколок у него чуть ли не случайно завалялся. Будто он таскает его с собой вот уже третий месяц, не знает, куда пристроить, а в Сателлит за тысячу долларов сдавать не хочет. РАО сейчас действительно даёт за осколки лишь тысячу долларов, потому что после того, как появился Зуд, никто на Большой Земле уже не горит желанием их иметь, а толку вне Ареала от них никакого. Но среди Перекупов, по моим сведениям, есть, по крайней мере, один торговец, который всегда готов дать за осколок пять тысяч зелёных, а это уже деньги. Не думаю, что почти за три месяца один торгаш не смог найти другого. Кстати, по непроверенным слухам, Перекуп тот из Ухты, но, правда, я слышал и другие версии.

– Одним словом, это были не торговцы, а те самые ребята, что пытались перебить нас два месяца назад, – недобро усмехнулся Медведь. – Больше такой маскарад устраивать некому, да и незачем. И пришли они к нам, выходит, из Ухты.

– Или это тонкая комбинация, рассчитанная на то, чтобы мы в это поверили, – уточнил Кварц.

– Не слишком ли тонкая для тупых уголовников? – нахмурился Влад. – Никак не могу понять, чего они хотели добиться этим своим представлением!

– Я тоже, – признался контрразведчик. – Может, хотели проследить за тобой... Но это глупо, ты такими кругами ходишь... хотя они об этом знать не могут. Или устроить засаду на тех, кто придет за пустыми бочками... тоже не очень логично, может, мы их забираем на следующий день или ночью, с применением «Невидимок»... Да и аномалию может притянуть или зверьё нападёт... А может, их именно твоя охрана интересовала, хотя для простого грабежа всё было организовано слишком сложно... – Он задумчиво глядел в блокнот. – В общем,

тут надо еще размышлять. Одно скажу: не нравится мне всё это. Уж не ещё ли одно нападение нам готовят... – Кварц замолчал и углубился в раздумья.

Медведь кивком головы указал Владу на дверь в соседнюю комнату, и оба направились к выходу.

– Пойдём, не будем мешать человеку работать, – негромко сказал здоровяк, выходя из кабинета Кварца. – Ты когда за женой собираешься?

– Хотел послезавтра, – ответил Влад. – Сутки только на дорогу уйдут, и в Сателлите надо хотя бы день провести, пока Катя на работе с отгулами решать будет. Там уже и до Выброса недалеко, переждём в городе и сюда. А завтра Рас должен вернуться, мы с ним собирались вокруг ГНИЦ побродить.

– Позже побродите, бродяги-самоучки, – по лицу Медведя скользнула мимолётная улыбка, и он вновь стал серьёзен. – Кварц прав, неспроста сегодня эти нервные покупатели появились. Надо поработать в этом направлении. Ты вот что, Влад, отправляйся-ка в Сателлит завтра, прямо с утра, на грим и прочий маскарад обрати особое внимание. Капкан и Базальт тебя проводят, возьмёте квадроциклы, доберётесь быстро. Пробудешь там до Выброса, поразузнаешь, что к чему. Вечером зайди к Кварцу, он тебе ценных указаний надаёт.

– Вы думаете, что вскоре последует вторая атака? – уточнил Влад. – Может быть, мне тогда лучше остаться? Все-таки на один ствол больше.

– Нет, – здоровяк отрицательно кивнул. – В ближайшие дни они ничего не предпримут. Кто бы за ними не стоял, он не столь примитивен, как стадо быдловатых зэков. Не станет он атаковать сразу, ясно же, что мы насторожились после этой нервной ситуации. Наоборот, он выждет время, даст нам успокоиться и расслабиться. Так что иди, Влад, разведданные сейчас важнее всего. – Он печально вздохнул и добавил: – Жаль, не вовремя тогда наш Токсик вернулся...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/sergey-tarmashev/vycherknutye-iz-zhizni>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)